

Чуб земли (сборник)

Автор:

Макс Фрай

Чуб земли (сборник)

Макс Фрай

Хроники Ехо #1

Трактир «Кофейная гуща» стоит на границе между новорожденной реальностью и непознаваемым хаосом ещё неосуществлённых возможностей. Поэтому именно он стал центральным местом действия цикла «Хроники Ехо», в ходе которого старые друзья и коллеги встречаются, чтобы поговорить о прошлом и помолчать о будущем, которое уже почти наступило и с любопытством приглядывается к ним из-за садовой ограды.

В первой книге цикла «Хроники Ехо» будут рассказаны две истории: о тайном королевском походе через остров Муримах и о трудных временах, которые наступили для Тайного Сыска после того, как сэр Макс остался в Тихом Городе – как всем тогда казалось, навсегда.

Макс Фрай

Чуб земли (сборник)

Книга публикуется в авторской редакции

© Макс Фрай, текст

* * *

...all these moments will be lost in time...

«Blade Runner» by Ridley Scott

Стеклянные снегири на Птичьем Мосту устроили переполох. Вертятся, звенят, дребезжат, а кажется, что щебечут: «Кто? Кто идет? Кто, кто? Кто к нам идет? Кто? Кто мимо нас прошел? Кто, кто? Кто от нас ушел? Кто?»

А это всего-то Триша идет с рынка. Было бы из-за чего такой шум поднимать.

Корзина ее почти пуста: несколько корешков черного имбиря, шкатулка с зернами кардамона, пучок мяты, фунт горького морского сахару, бутылка кленовой росы, да букет мелких хризантем, еще влажных после утренней поливки. Можно было бы обойтись и без этих покупок, на кухне у Триши нет недостатка в специях и травах, но ей требовался хоть какой-нибудь предлог для неспешной прогулки через весь город – как всегда. Лень всякий раз выдумывать иную причину, изобретать новый маршрут, вот и говорит она себе почти каждое утро, что надо бы отправиться на рынок. Иногда это оказывается правдой; в такие дни ее корзина становится слишком тяжелой, и долгий обратный путь не доставляет особого удовольствия – хорошо, если попадется попутчик с тележкой, но так редко случается. Поэтому Триша не слишком любит правду, по крайней мере, в мелочах.

«Кофейная гуща» стоит на самом краю города – то есть не просто на окраине, а аккурат на самой границе между «здесь» и «там», «между светом и тенью», как шутит дядюшка Франк, так что фасад с вывеской выходит на Пустую улицу, а заднее крыльцо, часть палисадника и флигель, где иногда ночуют гости, утопают в живом тумане Границы. Поэтому щенки тумана разгуливают по всему дому, ластиятся к домочадцам, иногда забираются на колени к посетителям. Они идеальные домашние любимцы: хлопот с ними немного, только и дел – следить, чтобы в кувшин с водой никто сдуру не залез, а то ведь растает, жалко. А больше никакой возни: щенки тумана питаются человеческим вниманием, а лужицы, которые они иногда оставляют на половицах, быстро высыхают сами,

наполняя дом ароматом сырости и меда, так что не приходится тратиться на благовония. «Следует признать, когда я сама была кошкой, я доставляла своим опекунам куда больше беспокойства – а ведь они считали меня тихоней и умницей», – думает Триша.

Это правда.

Триша, впрочем, до сих пор умница и почти тихоня – оно и неплохо. Франк часто повторяет, что это было самое мудрое решение в его жизни: превратить пеструю кошку Тришу в девушку. Только с кошкой и можно ужиться под одной крышей – при условии, что она перестанет гадить в башмаки своих врагов, научится варить кофе и печь шафрановые коржики. А поскольку все эти искусства легко удаются именно людям, проще сразу превратиться в человека, чем сотню лет учиться цирковым фокусам. Поэтому Трише пришлось превращаться. Она, впрочем, довольна. О Франке и говорить нечего.

Однажды за ужином он обмолвился, что когда-то, очень, очень давно несколько лет прожил в лисьей шкуре и с тех пор доверяет оборотням куда больше, чем обычным людям, или животным. Дескать, тот, кому ни разу не доводилось стать чем-то иным, вообще ничего не знает ни о жизни, ни о себе, а невежество, как известно, хуже греха, – последнюю фразу Франк повторяет очень часто, по любому поводу и вовсе без повода, произносит ее с видимым удовольствием, смакует, наслаждаясь каждым словом. Глядя на него, Триша почти уверена, что слово «невежество» имеет отчетливый привкус копченой селедки, «хуже» смахивает на черный, вязкий ржаной хлеб, а хрустящий «грех», надо понимать, впитал в себя всю сладость и остроту репчатого лука.

«Насчет невежества и греха Франку, конечно, виднее, но как по мне, на оборотнях свет клином все-таки не сошелся», – думает теперь Триша. Ей нравятся и соседи, и незнакомые горожане, и почти все клиенты, даже те, кто видит «Кофейную гущу» и городские улицы во сне. Таких тут всегда хватало; здешние жители называют их «призраками» и уделяют им не больше внимания, чем птицам и бабочкам. Глазеют, умиляются, посмеиваются, изредка угощают забавных чужаков домашним печеньем, но на порог стараются не пускать и серьезных бесед не заводят. «Они и правда смешные, эти сновидцы. – Триша улыбается своим мыслям. – Одни с ошалевшим видом слоняются по городу, другие бросаются творить всякие пустяковые чудеса, летают над крышами и скачут сквозь стены, упиваясь собственным могуществом и полной безнаказанностью; третьи деловито обустроиваются на новом месте,

даже не подозревая, что несколько часов спустя им придется отсюда исчезнуть – скорее всего, навсегда. И лишь немногие ведут себя правильно: внимательно глядят по сторонам, запоминают важные детали, выспрашивают у словоохотливых горожан дорогу, ищут талисманы и заводят полезные знакомства. Таким удается вернуться сюда наяву. Не всем, конечно, но все-таки...»

Путешественники вообще не слишком часто сюда попадают. Самый простой путь – приехать на канатной дороге, снизу, из долины. Но это же еще надо как-то туда попасть, а потом набраться мужества и сесть в ненадежную с виду кабинку, стремительно уползающую куда-то ввысь... Некоторые, впрочем, приходят пешком, есть и такие, что с воплями просыпаются поутру в пустовавших прежде постелях заброшенных домов, а вот Тришины друзья Фанни и Марк, которые живут в синем доме на Тихой улице, ухитрились прибыть в город на воздушном шаре. Теперь-то они уважаемые люди: Марк придумывает наряды для доброй половины городских модниц, а Фанни сумела разговорить булыжники на Большой площади, и старательно записывает их истории, которыми зачитываются буквально все, от мала до велика. Соседи в них души не чают, мосты смеются под их ногами, даже недоверчивые саламандры свили гнездо в их камине и вывели малышей, а этим мало кто может похвастать. Кажется, будто Фанни и Марк всегда жили в городе; некоторые действительно так думают, но Триша хорошо помнит их дурацкий воздушный шар яркого красного цвета, и как все сбежались смотреть на эту невидаль, а потом они с дядюшкой Франком отпаивали продрогшую, насмерть перепуганную парочку имбирной водкой и варили для них чесночный суп с зелеными кофейными зернами, у Триши еще гренки подгорели, потому что все время отлучалась от плиты поглядеть, как там эти двое.

И дело вовсе не в том, что Фанни и Марк были какие-то особенные (на самом деле все – особенные, но это отдельный разговор). Просто для Триши и Франка всякий новичок, любой чужак – дорогой гость. Собственно, «Кофейную гущу» открывали именно для них. Потому и место такое выбрали: на самой границе. Рассудили, что в городе и без того хватает кофейен, кондитерских, баров, чайных павильонов, пивных, пиццерий и ресторанов, а вот встретить заплутавшего путника, угостить его чашечкой кофе и рюмкой крепкой настойки, растолковать, что к чему, а если понадобится, то и обратную дорогу показать, кроме них, вроде как, некому.

Некоторые гости расплачиваются самоцветами, или монетками, иные – простенькими чудесами. Благодаря мрачному господину в полосатом жилете Триша когда-то обзавелась рыжей, кудрявой шевелюрой взамен надоевших светло-русых косичек, с помощью улыбчивой старушки в розовых очках поменяла обычные витражи в спальне на окна, по стеклам которых всегда, даже в солнечную погоду стучит дождь – то есть, тому, кто в комнате, кажется, будто на улице дождь, а какая на самом деле погода, не узнаешь пока не выйдешь. И еще немало полезных новшеств сумела внести в свою жизнь жадная до мелких чудес Триша – а всё они, гости. Но иногда в «Кофейную гушу» заглядывают клиенты, готовые заплатить за угощение и кров увлекательными историями. Таких Триша любит больше всего. «Если бы не они, мне пришлось бы довольствоваться одной жизнью – собственной, – думает она. – А это очень, очень мало». Выслушивая очередную историю, Триша словно бы проживает чужую жизнь – торопливо, небрежно, не особо вдаваясь в детали, не слишком утруждая свое сердце скорбью, улыбается уголками губ там, где следовало бы хохотать от души – но именно это ей нравится больше всего. Все равно что сливки с чужого молока снять, слизнуть и побежать дальше по своим делам. Типичный кошачий подход к делу, – говорит Франк.

Ну да. А как иначе?

– Я вернулась! – кричит Триша, переступая порог совершенно пустой кофейни. Звонко кричит, чтобы Франку во флигеле было слышно.

– Не ори, – просит он. – Что вернулась, это ты молодец, а вот шуметь совсем не обязательно.

Оказывается, зря она старалась. Франк тут, за стойкой. Но сидит почему-то на полу, а не на табурете, вот его и не видно. Возится с джезвой, строгают туда какой-то крошечный пахучий орешек. Никак опять с кофе экспериментирует. С другой стороны, а чем еще заниматься? В кофейне-то пусто, уже который день. Горожане сюда редко добираются, лень им даже ради самого что ни на есть распрекрасного кофе на окраину топать, а гостей издалека что-то давненько не было. Даже сони-сновидцы куда-то пропали, а ведь раньше невозможно было в сад выйти, чтобы на одного из них не наткнуться. Слонялись всюду, даже на кухню заходили порой, с советами лезли, смешные люди... Черт знает, что им там теперь грезится по ночам, только не «Кофейная гуша». Вот Триша с Франком и сидят вдвоем уже который день, угощают друг друга

солеными леденцами, сочиняют новые рецепты, гладят туманных щенков, в нарды играют, лениво переставляют шашки, не слишком интересуясь победой – ни дать ни взять старые бобыли, нелюдимые хуторяне, пограничники на всеми забытой заставе. Ну да, изредка бывшие клиенты заглядывают по старой памяти, и еще Алиса из дома на холме почти каждый день заходит после обеда на чашечку кофе, приносит домашние кексы с цукатами, пересказывает соседские сны – небрежно, как сплетни, или анекдоты. Но Алиса не в счет, она не клиент, а старинная подружка, почти член семьи.

И сейчас в кофейне пусто: только Триша, Франк и новый, незнакомый аромат. Он усилился, сгустился, приобрел почти видимые глазу очертания и даже, кажется, вес – того гляди на стул усядется и потребует, чтобы его развлекали беседой. Триша демонстративно морщит нос, поджимает губы, глядит вопросительно: дескать, что за чудные дела у меня на кухне творятся?

– Это мускатный орех, – говорит Франк. – Нравится? У нас на рынке их почему-то совсем нет, а у меня в кармане, за подкладкой нашелся. Думаю: а дай-ка сварю для Триши кофе с мускатом. Отличная вещь, если не переборщить, конечно. Но так со всеми специями...

Она кивает, еще раз принимает к ореху – на сей раз вполне благосклонно, рекомендация Франка дорогого стоит – а сама тем временем разбирает покупки, мяту ставит в вазу, хризантемы мелко режет острым ножом, складывает в горшочек, поливает виноградным маслом. Будет нынче на обед цветочный салат. Франк его не ест, но разглядывать очень любит. Она знает, это для него очень важно – насытить взор.

– Сегодня у нас будут гости, – говорит Франк. – Так что пляши, Триша.

Это не просто фигура речи, уж ей-то известно. Если Франк говорит: «пляши», значит надо хоть несколько танцевальных движений сделать, а то не отвяжется. Поэтому Триша пляшет. Вертит задницей, притоптывает ножками в новеньких сандалиях, отбивает ритм ладонями. Старается.

– И хорошие гости? – спрашивает, переведя дыхание.

– А то. Лучше не бывает.

Триша поднимает брови, недоверчиво качает головой. Это всегда считалось ее причудой, чуть ли не привилегией: любить гостей, восхищаться ими, записывать в особую тетрадку рассказанные ими истории, с нежностью вспоминать тех, кто заходил прежде, с нетерпением ждать новых. Франк всегда относился к их клиентам с доброжелательным равнодушием. Дескать и хотел бы всерьез заинтересоваться, да вот беда: слишком долго жил на свете, слишком много повидал, успел понять, что все человеческие лица, в сущности, похожи, а великое множество историй – суть одна история, увлекательная лишь поначалу. Первые лет пятьсот.

- Что же это за гости такие, что даже тебя проняло?

- А вот увидишь, – и он вдруг заговорщически подмигивает.

Нечего и говорить, что с этого момента Тришин день становится длинным и тягучим, часы ее идут так медленно, что лучше бы уж вовсе стояли, дожждаться – не то что вечера, обеда – решительно невозможно, но ей это, в отличие от большинства, очень нравится. Триша умеет сладко томиться ожиданием, вместо того, чтобы маяться. Она много чего умеет, умница, хорошая кошка.

Когда ночь опустилась на город, и трава в саду запахла свежими морскими водорослями, а толстые домашние светляки лениво потрусили по садовым дорожкам на свои обычные места, Триша уселась на крыльцо, чтобы не пропустить гостей. Роковая ошибка: услышав за спиной шаги и голоса, она поняла, что гости явились из сада и вошли через заднюю дверь. Странно вообще-то. Обычно через сад только сам Франк и ходит, когда вспоминает (кажется, без особого удовольствия), что у него есть другие дела, кроме города и «Кофейной гущи». Ну и еще, конечно, сновидцы, но они-то не в счет.

«Вот так так!» – озадаченно произносит незнакомый мужской голос, а Франк отвечает: «Было бы чему удивляться»; какая-то женщина просит: «Познакомь нас», а потом они начинают говорить все вместе, выходит совершенно неразборчиво. Триша прислушивается, не решаясь вот так сразу взять да и войти. Иногда она становится застенчивой, и обычно это случается совершенно некстати, вот как сейчас. Она сидит на крыльце и обещает себе: «Вот пусть закончат здороваться, и я зайду...», а потом, минуто спустя: «Ладно,

сейчас они потребуют кофе, и тогда...» – и еще через пять минут решает: «Франк меня сам позовет, когда будет нужно».

И словно услышав эти ее мысли, Франк говорит: «Хотел бы я знать, куда подевалась Триша? Небось на крыльце вас караулит». «Я ее знаю?» – неуверенно спрашивает мужской голос, и Франк отвечает: «Не думаю. Но это легко поправимо».

Она понимает, что откладывать знакомство больше нельзя, поднимается со ступеньки, с наслаждением потягивается, зевает, мотает головой, чтобы взбодриться и заходит в дом.

– Доброй ночи, – говорит она. – Меня зовут Триша. Я – кошка Франка.

Ей, чего греха таить, нравится шокировать таким признанием новых клиентов. Обычно в подобных случаях Франк укоризненно качает головой, но сейчас он одобрительно ухмыляется в усы. Зато гости относятся к Тришиному признанию совершенно спокойно, словно бы ничего иного и не ожидали. Милая сероглазая женщина улыбается Трише с явным сочувствием, только что не подмигивает по-свойски, но к тому идет. Сама, что ли, тоже кошка? Или другой какой-нибудь зверь?

– Изредка я становлюсь птицей, – объясняет она. – Если вдруг что, постарайтесь, пожалуйста, на меня не охотиться. Я крупная, когтистая и сердитая птица. Меня и гладить-то в таких случаях не стоит.

– Не буду охотиться, – обещает Триша. – Я, собственно, и раньше не... Я же была домашняя кошка, какая тут охота! Давайте я вам лучше лимонад принесу. Домашний, из погреба, хотите?

– Очень хотим, – тут же отвечает мужчина в летнем костюме болотно-зеленого цвета, похожем на полевую военную форму какой-нибудь неизвестной державы, только без знаков отличия.

Триша уставилась на него с нескрываемым любопытством: прежде сюда друзья и знакомые Франка никогда не заглядывали, а ведь она слышала из-за двери: эти двое говорили именно как старые приятели. На первый взгляд, человек как человек, ничего особенного. Светлые рыжеватые волосы несколько месяцев

назад, надо думать, были аккуратно подстрижены, но с тех пор изрядно отросли, и теперь закрывают уши и лоб. Подвижное, изменчивое лицо – одно из тех, что почти невозможно запомнить, даже опознать по фотографии – тяжкий труд. Его можно было бы назвать неприметным, если бы не причудливое, почти неуместное сочетание обаятельной мальчишеской улыбки и тяжелого взгляда – примется такой тебя рассматривать, того гляди сутулиться начнешь. Рядом с ним Трише становится немного не по себе – не то чтобы всерьез испугалась, а совсем чуть-чуть, как будто глухой ночью, сидя в теплой, на все засовы запертой кухне, вой звериный за окном услышала – далеко-далеко, и заранее ясно, что сюда-то уж точно не доберется неведомое чудище, но озноб все равно пробирает – вот примерно так.

– Меня зовут Макс, – говорит незнакомец, вежливо опуская голову.

Теперь, стало быть, можно считать его знакомцем – теоретически.

Триша вопросительно глядит на Франка: дескать, кто это такой? Но дядюшка Франк прячет в усах улыбку, да бровь приподнимает загадочно. Что хочешь, то и думай, мне и самому интересно, до чего ты додумаешься – примерно так следует его понимать.

Триша бежит в погреб за своим фирменным зеленым лимонадом, выбирает лучшие стаканы – высокие, прозрачные, из тонкого стекла, бережно разливает пенный напиток. Гость по имени Макс тем временем усаживает свою спутницу в плетеное кресло, отлично приспособленное для того, чтобы отдыхать и курить, лениво озираясь по сторонам, а сам обходит кофейню, разглядывает глиняные вазы, трогает деревянные столешницы, нюхает сухие и свежие букеты, улыбается мечтательно. Движения его кажутся плавными, неспешными, ленивыми, на деле же он носится как вихрь – раз, раз, и осмотрел помещение, куда можно, нос уже сунул, куда нельзя (за стойку, то есть) – тоже. Взглянул за ручку двери ведущей в сад, спросил Франка: «Я ведь никуда не исчезну, если?..» – и не договорив, не дожидаясь ответа, был таков, а минуту спустя вернулся с сухим прошлогодним листком в волосах, с мокрыми травинками, прилипшими к ботинкам, окруженный резвыми щенками тумана, а двоих, самых мелких, в охапке притащил. Гладит их, тербит, радуется как мальчишка.

– Никогда таких зверят не видел, – вздыхает. – Вот это да! Такие мне точно не снились.

– Думаешь, кроме тебя некому? – ухмыляется Франк. – Одними твоими фантазиями жизнь не наладишь. У тебя, прости уж, не настолько богатое воображение, да и в деталях ты непростительно небрежен. Будь твоя воля, ходили бы мы по улицам, завернувшись в одеяла, и питались бы вечерней росой, да спелыми фонарями – скажешь не так?

– Есть такое дело, – миролюбиво соглашается гость, а понятливая Триша прижимает ладошку к губам и тихонько охает.

Ей немножко страшно и очень, очень любопытно.

Триша знает все городские сплетни, слухи и легенды; благодаря беседам с Франком, она неплохой эксперт в этих вопросах. Почти всегда может отличить искусно приукрашенную правду от полной чепухи. Только в нескольких случаях Франк отказывался приходить ей на помощь, отмахивался: «Ты лучше погляди, как я сегодня кофейные зерна поджарил!» – или обещал: «Потом как-нибудь об этом поговорим».

Особенно упорно Франк отказывался обсуждать главную городскую легенду, и это было досадно. Тут ведь как дело обстоит: почти все здешние обитатели свято верят, что их город однажды приснился – кому, это отдельный вопрос. Одни утверждают, что Город однажды увидело во сне некое безымянное, но чрезвычайно могущественное божество (находятся, впрочем, ересиархи, готовые назвать тайное имя засони первому попавшемуся любопытному собеседнику; Триша услышала штук двадцать разных версий прежде, чем окончательно утратила интерес к таким разговорам). Другие верят, будто эти улицы и мосты пригрезились обычному человеку: то ли одинокой хромой девице, то ли умирающему ребенку. Третьи полагают Город этакой публичной грезой для общего пользования. Город, говорят они, существует сам по себе, но именно для того, чтобы самые разные люди могли время от времени любоваться им во сне – а иначе с какой стати тут сновидцы толпами бродят?! Сторонники разных версий сходятся в главном: Город, считают они будет стоять лишь до тех пор, пока находятся желающие видеть его во сне.

Знать такое о месте, где живешь, приятно и забавно, но, что греха таить, страшновато – если относиться к этой идее всерьез. Потому что вопрос: куда мы все денемся после того, как проснется сновидец? – он, конечно, кажется интересным, если так, поболтать собрались. А если не поболтать? Если проснется? И куда, в таком случае эвакуироваться? И как? И успеем ли?

Ну и вообще Город жалко. Где еще такой хороший найдешь?

Поэтому Трише всегда хотелось, чтобы все эти басни про Того-Кто-Видит-Город-Во-Сне оказались выдумкой. В конце концов, басням верит подавляющее большинство горожан, а большинство почти всегда ошибается, просто обязано ошибаться. Даже здесь, в Городе.

И вдруг – здрасьте пожалуйста. «Такие мне точно не снились». И Франк ведет себя так, словно речь о чем-то само собой разумеющемся. Ну, вроде как: «такого я в свои карманы не кладу» – «значит кто-то подсунул». Ничего себе дела!

– Мы, что ли, вам снялся? – Строго спрашивает Триша. – Вы тогда не вздумайте просыпаться, слышите?

– Ты так орешь, что если бы он спал – уж точно проснулся бы! – Смеется Франк. – Ну и каша у тебя в голове!

Ну да, каша. А что там может быть? И кто в этом виноват? Кто никогда ничего толком не объясняет?! То-то же.

– Я сейчас не сплю, – очень серьезно говорит незнакомец по имени Макс. – И вы мне не снитесь. Но когда-то, было дело, мне часто снился этот город. А потом оказалось, чтобы увидеть его, больше не обязательно засыпать, по крайней мере, мне. Достаточно уметь путешествовать между Мирами. А такие путешествия, можно сказать, моя специализация. Собаку на этом съел. Кошек, заметьте, не ел. В жизни ни одной кошки не обидел!

Ох. Приятно слышать, конечно. Если бы еще понять, где заканчиваются его шутки и начинается серьезный разговор...

– Что касается Города, – начинает Франк, водружая на плиту самую большую джезву, как раз на четыре чашки. – Тут, Триша, не все так просто. Наш Город действительно когда-то снился Макс. Город, но не мы с тобой и не наша кофейня, заметь! И даже рыночная площадь ни разу ему не приснилась. И вообще Макс сам по себе, а мы – сами по себе. Потому что с какого-то момента Город окончательно перестал быть его сном. И вообще чьим бы то ни было. Этот стул, – он стучит ладонью по свежеструганному барному табурету, – не исчезнет, даже если разбудить всех живых существ, сколько их там

во Вселенной, одновременно. И кофейня никуда не денется, и Алисин дом на холме, и мосты останутся – вообще все. Это и есть самое интересное. Собственно сама по себе история – ничего особенного, Город наш – не ахти какое исключение из правил, разве что новорожденный, тем и хорош. Да и Макс вовсе не единственный в своем роде. Не божество какое-нибудь, я это имею в виду.

– Ну и хвала Магистрам! – Воскликает сероглазая женщина. – Только с божеством связаться мне не хватало...

Триша впервые слышит такое выражение: «хвала Магистрам», и понятия не имеет, кто такие эти самые «магистры», но и так ясно, что оно обозначает радость и облегчение.

Гости смеются, трещат без умолку, теребят щенков тумана, с наслаждением морщат носы, принюхиваясь к свежесмолотому кофе. Хорошо, выходит, не быть божеством! А Трише до сих пор казалось – наоборот. Есть над чем подумать, Но не сейчас. Потом.

– Многие города – да что города, целые континенты, планеты, Вселенные! – именно так и рождаются, – говорит Франк. – Вещество, из которого сотканы сны, отлично подходит для строительства новых обитаемых реальностей: пластичное чрезвычайно и куда более прочное, чем может показаться. Люди, собственно, для того только и нужны, чтобы видеть сны, – внезапно резюмирует он. – А зачем бы еще?

Гости немедленно умолкают, чтобы внимательно его выслушать. Вот и видно, что не так уж хорошо они знакомы! А то бы знали, что Франк обычно просто так болтает, как ручей журчит. Нравится ему говорить, вот и все. Мурлыкать-то не умеет!

– Забавно, – продолжает Франк, – люди-то думают, что все самое важное происходит наяву. Стараются играть всерьез, жить по правилам, добиваются чего-то, суетятся, жизнь кладут, убивают друг друга, доказывая свою правоту – смешные! С другой стороны, это и хорошо: как только человек решает, что какое-то дело для него «самое важное», он тут же его запарывает, тем или иным способом. Поэтому – да, пусть думают, будто живут ради всей этой чепухи, которая «наяву»...

Триша знает: пока Франк варит кофе, он способен говорить о чем угодно, с неизменной убедительностью. Вспомнит ли он свой монолог полчаса спустя, когда кофе будет не только готов и разлит по чашкам, но и выпит – это, конечно, вопрос. Хотя всякое, конечно, бывает.

– А как быть с людьми, которые не видят снов? Они, выходит, вообще бессмысленные? – спрашивает сероглазая женщина. Триша так и не узнала, как ее зовут, а спросить почему-то стесняется. Ну, небось, рано или поздно, а обратится к ней кто-нибудь по имени...

– Все бессмысленные, в том числе и мы с вами.

У Франка есть простые ответы на все сложные вопросы, кто бы сомневался!

– Другое дело, что сны видят все, – продолжает он. – Насколько осознанно ведет себя человек во сне, помнит ли он хоть что-нибудь наутро – это его частное дело. Вопрос личной выгоды и удовольствия: «И что я с этого буду иметь?» Ясно что: либо память и опыт, либо вовсе ничего. Но сны всем снятся. Отвертеться от исполнения своего предназначения никому не дано.

– Когда-то ты впаривал мне, что основное предназначение человека – путешествовать, желательно – между мирами, – улыбается Макс. – А теперь выходит – сны смотреть? Человеческое предназначение явно меняется вместе с твоим настроением!

«Ага, – говорит себе Триша. – Сообразил все-таки!»

– Думаешь, поймал меня? – смеется Франк. – Обойдешься! Сон – это просто самый простой способ путешествовать из одной реальности в другую. Некий гарантированный минимум. Залог того, что никто не убежит завидной своей доли.

Он добавляет в кофе давешний ароматный орех, корицу и зернышко кардамона. Демонстративно игнорирует имбирь, который Триша пытается подсунуть ему под руку. Продолжает с видимым удовольствием:

– И вот одни просто так шляются, а другие с пользой для всех: сочиняют новые города... и новых людей.

– И новых людей тоже? – Изумляется сероглазая женщина.

– Ну да. Уж тебе-то должно быть известно: самые лучшие люди – именно выдуманные. Не всякая выдумка, конечно, обрывает плотью, но когда это происходит... О, именно ради этого и стоит жить бесконечно! Такими чудесами не пресытишься.

Гости улыбаются, переглядываются, пожимают плечами, молча берут чашечки с готовым кофе, усаживаются за стол. Триша и Франк гостеприимно уступают им места у окна: пусть любят.

– Вы вообще надолго сюда? – спрашивает Франк, помогая Трише расставить перед гостями тарелки с горячим печеньем, мятным медом и засахаренной древесной листвой. – Или так, мимо шли, заскочили на минутку?

Они отвечают хором, одновременно и в сущности одно и то же, только разными словами.

– А черт его знает.

– Понятия не имею.

– Правильный ответ, – уважительно говорит Франк. – Приятно иметь дело с толковыми собеседниками. Я же говорю: самые лучшие люди – выдуманные.

Он умолкает, дает им насладиться напитком, и только потом, когда опустевшие чашки отставлены в сторону, сероглазая женщина начинает набивать трубку, а Триша идет к плите, памятуя, что варить вторую порцию – ее обязанность, объявляет:

– Надолго вы или нет, в любом случае, я вас никуда не отпущу, пока не расплатитесь за кофе. Он у нас дорогой: каждая чашка стоит хорошей истории. Но, кажется, вам обоим наше с Тришей гостеприимство по карману: вы же знаете много славных историй, верно? Имейте в виду: всякая история

хочет стать рассказанной, как всякое семечко хочет прорасти. Когда человек носит в себе слишком много нерассказанных историй, он начинает сутулиться, голова его ноет по утрам, а сны начинают повторяться – одно и то же, из ночи в ночь, сущий кошмар! Но вам повезло: вы встретили людей, готовых слушать вас бесконечно, хоть три вечности кряду.

Триша замирает от волнения, приподнимается на цыпочки, прижимает к груди шкатулку с кофейными зернами. Так значит, будут истории! И, судя по всему, даже не одна – вот ведь как повезло!

– Вы, что ли, действительно хотите слушать нашу болтовню? – Гость по имени Макс ушам своим не верит. – Я-то готов, мне только волю дай, трепаться я могу круглосуточно, но... Вам правда интересно?

– Триша любит чужие истории больше всего на свете, – говорит Франк. – Ну и я рядом с нею пристрастился. К тому же, тебе действительно полезно избавиться от груза нерассказанных историй, а то шея по утрам скоро ныть станет – или уже начала? Я-то вижу! Словом, ты давай, рассказывай. Первая история за тобой, а там поглядим.

– Ладно. Мне бы еще решить, с чего начать...

– Тогда начни с истории, которую я тоже не знаю, – просит сероглазая женщина. – И пожалуйста, пусть она не будет грустной. Печальных рассказов я от тебя уже наслушалась, на всю оставшуюся жизнь. Надеюсь, с ними покончено.

– Ну, на это, положим, я и сам надеюсь. А вот историю, которой ты не знаешь, мне, пожалуй, будет непросто припомнить. Хотя... За то время, что ты жила в Арварохе, я пару раз умудрился впутаться в дела настолько секретные, что даже ближайшим друзьям растрепать не мог. Ну а теперь-то уж точно можно. Мне нынче вообще все можно, как покойнику.

– Не знаю, все ли тебе теперь можно, и знать не хочу, – ухмыляется Франк. – Но имей в виду, здесь у нас – самое подходящее место, чтобы разглашать страшные тайны и выдавать чужие секреты. В такой юной, новорожденной, едва затвердевшей реальности все не в счет, «понарошку», как говорят дети.

– Тогда... – Макс какое-то время думает, потом решительно кивает: – Что ж, если так, будет вам история, которую я даже не надеялся хоть когда-нибудь рассказать. Но здесь, пожалуй, действительно можно.

– Вот и славно, – улыбается Франк. – Триша, у тебя готов кофе?

– Сию секунду!

Она снимает джезву с огня, ставит ее на раскаленный край плиты, щедрой рукой добавляет имбирь, а минуту спустя – чайную ложку ледяной воды. Теперь можно разливать кофе по чашкам, на дне которых уже лежит заранее приготовленная смесь: мед с лимонным соком. Именно то, что нужно, чтобы рассказчик не устал, а слушатели – не заскучили. Волшебный эликсир, уж она-то знает!

Франк ставит на стол песочные часы. Тонкая синеватая струйка льется, дрожит, шуршит едва слышно, но верхняя чаша всегда остается почти полной, а нижняя – почти пустой. Триша знает эти его часы: теперь время для собравшихся в «Кофейной гуще», можно сказать, остановилось. То есть они, конечно, двигаются, разговаривают, пьют кофе и набивают трубки, но никто не успеет ни проголодаться, ни устать, как бы долго не тянулась беседа. А если случайный прохожий, или старый друг решит заглянуть на огонек и возьмется за дверную ручку, он переступит порог не раньше, чем Франк перевернет часы. Ему там, на улице, покажется, что он медлил всего секунду, а для собравшихся в доме могут пройти целые сутки. На диво приятные, необременительные сутки, но все-таки.

«Вырыть норку во времени» – так Франк это называет. Смеется, конечно. Он всегда над нею смеется, тут уж ничего не поделаешь.

Триша представления не имеет, что именно вытворяет со временем дядюшка Франк. Не понимает и даже думать об этом подолгу не желает: жуть какая! Просто знает, что так случается всякий раз, когда он ставит на стол свои песочные часы. Триша ежится от страха и жмурится от радости: вот оно, опять началось!

Гость с любопытством косится на часы, уважительно качает головой, подмигивает сероглазой женщине, говорит: «Гляди, какая штукавина!» – пробует кофе, с удовольствием закуривает и наконец начинает рассказывать.

А Триша – что ж, Триша слушает.

Чуб земли

История, рассказанная сэром Максом из Ехо

Начать, наверное, следует с того, что жизнь моя в ту пору была прекрасна настолько, что даже мои собственные зеркальные отражения от зависти бледнели. Я всего пару лет прожил в восхитительном волшебном мире, куда был взят живым, как праведник на небеса, хоть и не понимал толком, за какие такие заслуги. К тому же я был молод – непростительно молод, по словам моих старших коллег – по уши влюблен (и любим куда больше, чем смел рассчитывать), окружен друзьями и чудесами, почти не бит судьбой – по крайней мере, по сравнению с нынешним положением дел – и совершенно уверен в собственном безграничном могуществе. Немудрено: я состоял на службе в Малом Тайном Сыскном Войске, самой грозной организации Соединенного Королевства – и кто бы мог подумать, даже там мне шутя удавалось все, за что я брался! Шеф Тайного Сыска, грозный сэр Джуффин Халли, чье имя повергало в трепет не только преступников, но и смиренных обывателей далеко за пределами нашей столицы, казался мне удачным гибридом Господа Бога и доброго дядюшки; немногочисленные враги либо приучались есть из моих рук, либо рассыпались в прах практически без посторонней помощи; могущественные старые маги умилялись моей сообразительности и чуть ли не соревновались за право передать мне свои тайные знания. Еще бы, сэр Макс – юный колдун-вундеркинд, весь вечер на арене, спешите видеть!.. Мне казалось в ту пору, что Ехо, лучший из городов Вселенной, приютил меня для собственного удовольствия, как иные заводят в доме котенка. Этот город гладил меня по загривку, чесал за ухом, не жалел свежих сливок, лишь бы я оставался веселым и резвым, ему на радость. Ну и я, надо сказать, вполне соответствовал этим требованиям.

При всем при том мне хватало не то оптимизма, не то нахальства полагать, будто все это только самое начало почти бесконечно долгой счастливой жизни, где подвиг – просто увлекательный способ нагулять аппетит, а беспричинная печаль по утрам – наихудшая из возможных неприятностей, что-то вроде головной боли, избавиться от которой – минутное дело в мире, где список

волшебных пилюль куда длиннее перечня распространенных хворей.

Немудрено, что я так резвился. Представьте себе мечтательного, но унылого молодого лентяя, который родился и вырос в перенаселенном мире, где среднестатистическая человеческая жизнь тяжела, зато коротка и почти непременно посвящена всяким скучным глупостям, из которых каждодневный труд ради крова и пищи – это еще самое осмысленное (хоть и изматывающее) деяние. И, да, вот что еще важно. Магия в том мире – явление не то чтобы вовсе невозможное, но из ряда вон выходящее. Не повседневное, мягко говоря. Принято считать, что ее нет вовсе – так, сказки для идиотов. Станешь говорить о чудесах вслух и всерьез, без снисходительной ухмылки, прослывешь пустоголовым мечтателем – это в лучшем случае. В принципе, могут и настоящим безумцем признать, запереть в лечебницу, травить пилюлями, если будешь настаивать на своем.

При всем при том, большинство тамошних обитателей более-менее разумны, весьма чувствительны и не наделены даром блаженной беззаботности, который мог бы облегчить их – то есть, нашу – незавидную участь. Надо отдать мне должное: я был разумен и чувствителен сверх всякой меры, поэтому жизнь моя была совершенно невыносима. Как ни вздохнешь, куда ни повернешься, чем ни займешь себя – а кроме беспричинной тоски и ноющей боли в груди словно бы и нет ничего.

Впрочем, ладно. О несовершенствах мира, где прошли мое детство и юность, я часами могу говорить, но это печально и скучно. Достаточно сказать, что я прожил там почти тридцать лет, но так и не научился толком играть по тамошним правилам. Не то чтобы они были слишком сложными, просто тошнило меня от таких игр. Ну да, существовал как-то, ясно было, что выживу, не пропаду, но будущее мне рисовалось вполне безрадостное, да и настоящее в лучшие дни казалось мне не более чем терпимым.

И вдруг, можно сказать, ни с того, ни с сего, мне начинают сниться волшебные сны: какой-то иной, удивительный мир, мозаичные мостовые, оранжевые фонари, уютные трактиры – голова кру?гом!.. В этих снах суровый, но обаятельный господин по имени Джуффин Халли авансом отвешивал мне незаслуженные комплименты, обещал новую жизнь и головокружительную карьеру, если только я решусь покинуть постылую родину и перебраться в этот новый мир навсегда, не во сне, а наяву, «со всеми потрохами» – так он выражался. Дал мне подробную инструкцию, как туда попасть – в собственное

сновидение, то есть.

В ту пору такая идея казалась мне, мягко говоря, революционной. Я поутру чуть не рехнулся, припомнив подробности, но терять было нечего, и я отважился выполнить полученные инструкции. В штаны едва не наложил со страху, как до дела дошло, но ничего, справился. Совершил первое в своей жизни путешествие между мирами, и все у меня, как ни странно, получилось.

Так я оказался в Ехо, столице Соединенного Королевства Угуланда, Гугланда, Ландаланда и Уриуланда, а также графств Шимара и Вук, земель Благостного Ордена Семилистника, вольного города Гажин и острова Муримах.

Мой приятель из сновидений и будущий шеф не соврал: и жизнь моя в этом новом мире стала совсем уж распрекрасной, и карьера в Тайном Сыске под начальством все того же сэра Джуффина Халли сложилась – сам себе завидую! Это при том, что мне всему пришлось учиться с нуля, магии – в первую очередь. Вырос там, где чудеса почти невозможны, и вдруг оказался среди колдунов, которые, не поворожив, стакан воды не выпьют. Одна только Безмолвная Речь чего стоила. Мне она казалась чем-то вроде умения очень громко думать. Так громко, чтобы тот, к кому я обращаюсь, услышал меня на любом расстоянии. Это называется «прислать зов»... Кстати, именно с Безмолвной Речью я больше всего и намучился. Все остальные знания и умения, необходимые для успешной службы в Тайном Сыске, давались мне очень легко.

Я бы сказал, подозрительно легко.

Словом, стоило мне сменить место жительства, и дела мои тут же пошли в гору, да так стремительно, что я сам не успевал следить за собственной головокружительной карьерой в Тайном Сыске. А это, надо сказать, была та еще контора. Чуть ли не самая крутая организация в Соединенном Королевстве – и уж точно самая малочисленная. Этакая специальная магическая полиция. Предполагалось, что мы всемером способны противостоять кому и чему угодно – хоть могущественным колдунам-изгнанникам, не стесняющимся среди бела дня применять запретную магию, хоть живым мертвецам, хоть кровожадным чудовищам из иных миров. И мы надо сказать, действительно как-то справлялись. Не было на моей памяти такого случая, чтобы мы – да не справились. Еще и в живых оставались, между прочим – наилучшее доказательство нашего профессионального мастерства.

К тому моменту, о котором пойдет речь, за плечами у меня уже было несколько непростых, почти безнадежных дел, с которыми я, как ни странно, успешно справился. Победил пару-тройку призраков и просто могущественных злодеев, живых и мертвых – между прочим, некстати ожившие покойники какое-то время считались чуть ли не основной моей специальностью. Почти случайно распутал не одну дюжину головоломок, научился плевать смертельным ядом, прогулялся по Темной Стороне, между делом стал царем маленького кочевого народца, худо-бедно научился управляться с волшебными талисманами и доставать нужные вещи из Щели между Мирами. До сих пор не очень понимаю, как у меня все это выходило, но выходило, факт... Впрочем, в ту пору это было мое нормальное состояние: я шутя проделывал всякие невероятные вещи, и упорно не понимал, как у меня это все получилось. К чести моей следует сказать, я знал себе цену и ни на минуту не забывал, что как был дураком, так им и остался. Но и могущество собственное осознавал вполне; при этом не решался спрашивать себя, откуда оно, черт побери, взялось?! И понятия не имел, каким образом эти прекрасные крайности, беспомощность и могущество, ухитрились назначить друг другу свидание не где-нибудь, а именно под покровом моей шкуры. Всякое новое поручение будило во мне гремучую смесь ужаса, любопытства и энтузиазма: в глубине души я тогда был уверен, что справлюсь с чем угодно, хотя понятия не имел, как.

Все это я рассказываю лишь для того, чтобы вам было ясно: когда Господин Почтеннейший Начальник Малого Тайного Сыскного Войска сэра Джуффин Халли прислал мне зов за час до рассвета и, соответственно, окончания моего ночного дежурства, велел бросать все дела (то есть, чтение позавчерашнего выпуска «Королевского Голоса» и опустошение восьмой примерно по счету кружки камры) и немедленно ехать к нему домой, я был готов к чему угодно.

«К чему угодно» – это значит: спасти мир, воскрешать мертвых, усмирять живых, ловить опальных колдунов, сажать на строгую диету людоедов, отправляться с тайной миссией на Темную Сторону, или хотя бы на другой материк. К чему я точно не был готов – так это к обезоруживающей улыбке шефа.

– Вот, вскочил ни свет, ни заря, – объяснил он. – И подумал: все равно ты сейчас бездельничаешь на службе, почему бы тебе не составить мне компанию за завтраком?

Я так и застыл на пороге с распахнутым ртом. Когда тебя затемно вызывают домой к начальству, в голову не приходит, что весь этот переполох – просто приглашение позавтракать. Мило, конечно, кто бы спорил, но...

Насладившись моей растерянностью, Джуффин снисходительно похлопал меня по плечу:

– Ну-ну, сэра Макс, я же не утверждаю, что мы будем завтракать в полном молчании. Разумеется, у меня к тебе есть разговор, да такой долгий, что, боюсь, нам еще и обедать вместе придется. Насколько я знаю твои возможности, это катастрофа для моих погребов, ну да ладно!

– Ага, – я вздохнул с облегчением. – Значит все-таки что-то стряслось. Что-то такое, о чем вы не хотите говорить ни в «Обжоре Бунбе», где в это время суток, к слову сказать, ни единого постороннего уха, ни даже в собственном кабинете. Ну-ну. Заранее содрогаюсь.

– И совершенно напрасно, – пожал плечами шеф. – Ничего не стряслось. По крайней мере, пока. Будем считать, что меня удручают размышления о глубине твоего невежества. Не поверишь, сегодня ночь напролет ворочался, уснуть не мог, стонал так, что Кимпа за знахарем бежать собрался. А все потому, что понял: ты же пока ничего не знаешь о традициях и обычаях монархов Соединенного Королевства. Вообще ничегошеньки. И я до сих пор не приложил усилий, дабы изменить сей прискорбный факт. Какой ужас, сэра Макс!

– Э-э-э... – сказал я. Подумал немного и добавил: – А-а-а...

Но Джуффин не обратил внимания на этот внезапный приступ дислексии. Усадил меня за стол и принялся ухаживать: это возьми, то попробуй. Я пялился на угощение, как баран на новые ворота, силясь сообразить, что, собственно, делают воспитанные люди с едой. Наконец кое-как привел смятенный свой ум в порядок, проямлил:

– А зачем мне знать о монархии? Надеюсь, вы не прочтите меня в наследные принцы?

– Обойдешься. В принцы захотел, ишь ты... Просто, во-первых, всякое невежество само по себе заслуживает искоренения. А во-вторых... Ну, скажем

так: тебе придется какое-то время побыть придворным.

– Э-э-э! – запротестовал я. Хотел было развить свою мысль, но дар речи, кажется, покинул меня окончательно, поэтому из груди моей вырвалось лишь полное отчаяния, душераздирающее: – Ы-Ы-Ы-Ы!

Меня можно было понять. Я уже успел пару раз побывать в Королевской резиденции; однажды, помнится, даже на официальный прием иностранной делегации угодил. Его Величество Гуриг Восьмой показался мне отличным парнем, практически «своим в доску», если такое определение допустимо по отношению к правящему монарху, но придворные церемонии повергли меня в отчаяние. Во-первых, на протяжении многотысячелетней истории Соединенного Королевства было выдумано немыслимое количество мудреных правил и ограничений, выучить которые можно только посвятив искусству придворного этикета всю жизнь. А во-вторых, я лично убедился, что даже Король не может уклониться от исполнения этого бессмысленного и беспощадного долга. Пару дюжин лет Его Величество Гуриг угробил на борьбу с собственным церемониймейстером. В итоге отправил упрямого старика в отставку, кое-как отвоевал право пить камру в собственном кабинете вместо того, чтобы всякий раз шествовать в трапезную, огромную и гулкую, как крытый стадион, – и утихомирился. Решил, что все прочие задуманные новаторства ему пока не по плечу. Я бы на его месте, пожалуй, вовсе от престола отрекся, но я – существо безответственное, что с меня взять...

И тут вдруг шеф, которому я верил, как самому себе – да что там, куда больше, чем себе! – угрожает сослать меня в придворные. Предательство доверившихся – вот как это называется. В девятом кругу Дантова Ада за такое по головке не погладят. Впрочем, сэр Джуффин Халли не имел счастья читать «Божественную комедию» Данте, так что у меня почти не было шансов его образумить.

Кандидат на замещение должности любимой жевательной резинки Люцифера с деланным сочувствием покачал головой и плюхнул мне на блюдце чуть ли не полкило варенья. В утешение, надо понимать.

– Бедный мальчик! – ехидно вздохнул он. – Ишь как перепугался!.. Не горюй, сэр Макс. Я не продам тебя в вечное рабство Его Величеству Гуригу. Тебе не придется до старости лет полировать пряжки на Королевских башмаках. Даже министром завалящим никто тебя не назначит, нет таких дураков. Просто

надо составить компанию Его Величеству в непродолжительном путешествии. Не на край света даже, всего-то на остров Муримах. За пару дюжин дней небось обернетесь. Было бы из-за чего волосы на себе рвать.

Я чуть не умер от облегчения. Но решил, что подавиться вареньем будет вполне достаточно. Мне не трудно, а шефу радость. Зря, что ли, он старается, завтраком меня кормит?

– Если в путешествии, тогда ладно, – дар связной речи вернулся ко мне незамедлительно. – На Муримах? Славно: я там как раз еще не был... Но зачем? То есть, зачем туда едет Король, вполне вероятно, не мое собачье дело. Но я-то на фиг ему сдался?

– Ну как... Защищать, охранять, оберегать, и что там еще положено проделывать со странствующими монархами?

– «Защищать»? Короля? Я?! Ну, нечего сказать, нашли защитничка! Вы же лучше меня знаете: я не способен защитить никого, в том числе и самого себя. Угробить, разве что – это да, это моя специализация... Впрочем, и то, и другое гораздо лучше выйдет, скажем, у сэра Шурфа.

Сэр Шурф Лонли-Локли, наш Мастер Пресекающий Ненужные Жизни, проще говоря, штатный убийца, был – собственно, как я понимаю, и до сих пор является – счастливым обладателем смертоносных перчаток (левая испепеляет все, что следует испепелить; правая парализует противника, оставляя его в живых), острого, но педантичного ума, невозмутимой физиономии и самого твердого характера во Вселенной. Ни на миг не сомневаюсь, что он вполне мог бы защищать нашу (и любую другую) монархию в гордом одиночестве, сколь угодно долго, разве что, с перерывом на посещение библиотеки: более страстного читателя я в жизни не встречал.

– Не мельтеши, Макс, – отмахнулся шеф. – Дело решенное: Король желает вверить свою безопасность именно тебе, и никому другому. Да не переживай ты так, не вдвоем же вы поедете, в самом деле. Королю положены и охрана, и свита, а ты – просто экзотическое дополнение к этой ораве бездельников. Подозреваю, Гуриг уже давно хочет познакомиться с тобой поближе: он же любопытный, да и поговорить ему толком не с кем, сам понимаешь. А тут такой случай!

Я немного приободрился.

- То есть, это путешествие - скорее развлечение, чем работа?

- Ну уж нет. Конечно работа. Только не такая, какую ты привык выполнять, вот и все. Дружить с Его Величеством Гуригом - приятный, но нелегкий долг некоторых подданных - вот мой, например. И твой теперь тоже. Если бы нашим Королем был не столь дружелюбный молодой человек, Тайному Сыску пришлось бы с утра до ночи бороться не столько с преступниками, сколько с бюрократами из Ордена Семилистника. А благосклонность Короля развязывает нам руки - кажется, у тебя уже была возможность это заметить. Поэтому если Его Величество говорит: «А подайте-ка мне сэра Макса в провозатые!» - будь уверен, он тебя получит, даже если мне для этого понадобится заключить тебя в кувшин. Впрочем, уж ты-то точно не в проигрыше. Остров Муримах - одно из красивейших мест под этим небом. Одни тамошние радуги чего стоят! А то сидишь тут сиднем в моем кабинете ночи напролет - разве это жизнь?..

- Ну, строго говоря, именно для этого вы меня и нанимали: сидеть по ночам в вашем кабинете.

Я говорил чистую правду. Моя должность официально называлась: «Ночное Лицо Господина Почтеннейшего Начальника»; на словах же будущий шеф уверял, что от меня потребуется всего-то сторожить Дом у Моста от заката до рассвета, пока все остальные Тайные Сыщики изволят дрыхнуть.

Но теперь Джуффин отмахнулся от моего аргумента, как от сонного комара.

- Мало ли, чего я тебе наплел, когда зазывал на службу. Работодатели всех миров изрядно привирают, когда хотят заполучить ценного сотрудника, разве ты не знал?.. Впрочем, твоей обязанности сидеть по ночам в моем кабинете никто и не отменяет, сиди себе на здоровье - когда других дел нет.

Ну да. А что еще, интересно, я ожидал услышать?

- Когда ехать-то? - вздохнул я, предчувствуя, что шеф поглядит на часы и скажет: «Минут через десять».

Но я не угадал.

– Отъезд назначен на завтрашнее утро. Впрочем, во дворце надо быть сразу после полуночи. Я сам тебя отвезу и сдам на руки Гуригу. Я ему обещал.

– Ладно, – вздохнул я. – Может все-таки расскажете, зачем Король едет на Муримах? Чтобы жители дальней окраины Соединенного Королевства получили счастливую возможность сравнить его живой профиль с чеканкой на монетах?

– И это тоже. Однако встреча с подданными, мягко говоря, не главная цель Королевского путешествия. Ты уже покончил с завтраком?.. Ха, да ты еще и не начинал толком! Я тебя не узнаю, сэр Макс! Ладно уж, жуй дальше, но при этом слушай меня очень внимательно... Впрочем, сперва скажи: ты когда-нибудь задумывался, для чего в Соединенном Королевстве нужны Короли?

Я, признаться, опешил.

– Ну как – для чего... Все-таки Королевство, не республика какая-нибудь. Положено, чтобы был Король.

– Экий ты, оказывается, формалист! Нет, правда, неужели тебя не удивляет, что Короли как-то ухитрились усидеть на престоле в течении тех столетий, когда государство раздирали на части могущественные Ордена? В некоторых – да вот хоть в том же Ордене Водяной Вороны – даже простые послушники были столь искусными магами, что могли бы в одиночку подчинить своей воле целый город. О Великих Магистрах и их ближайших помощниках и говорить не стану. Некоторых ты видел, остальных можешь сочинить, дав волю воображению. И не бойся преувеличить их могущество: вряд ли у тебя это получится.

– Ну ничего себе, – я покачал головой, силясь вообразить себе полчища этих титанов духа, этакую сверхчеловеческую саранчу. Выходило не слишком убедительно.

– Ну и как по-твоему, зачем при таком раскладе были нужны какие-то короли? – настойчиво спросил Джуффин. – И каким образом эти бездельники могли удержаться у власти?

Тоже мне антимонархист.

Но он, кажется, всерьез рассчитывал, что я отвечу.

– Ну... – я ухватился за первую же пришедшую мне в голову мысль. – Наверное, Короли – еще более крутые колдуны, чем все эти Великие Магистры...

– Молодец, сэр Макс. Именно так и обстояли дела. И до сих пор обстоят, собственно. Его Величество Гуриг Восьмой ни в чем не уступает своим великим предшественникам. А кого-то из них, пожалуй, даже превосходит.

– А, собственно, зачем тогда нужны мы? – осведомился я. – Ну, если он такой крутой... Для виду, что ли? Или просто лень ему?.. А что, и правильно: не царское это дело – порядок наводить.

– Да погоди ты, не тараторь. Выслушай сначала. Магия наших монархов – дело особое. Для такой ерунды, как наведение порядка, она не очень-то годится, так что наш Дом у Моста все же не только для красоты строили. Правители Соединенного Королевства все больше отношения с землей, небом и прочими стихиями улаживают. Понятно, что они и многое другое могут – кто-то больше, как легендарный Король Мёнин, кто-то меньше, но это не имеет особого значения. Все наши монархи обладают почти безграничной властью над стихиями, вот это действительно важно.

– Это как? – опешил я. – Дождь, что ли, вызывают в неурожайные годы?

– И это тоже, – спокойно согласился шеф. – Между прочим, в Соединенном Королевстве не так уж много найдется людей, достаточно начитанных, чтобы знать смысл словосочетания «неурожайный год». В других краях такая беда порой случается. Но не у нас. А почему, как ты думаешь, Соединенное Королевство всегда было богатейшей державой этого Мира? Где еще правитель может отдать приказ кормить в трактирах всех голодных за счет казны, а потом исправно оплачивать счета в конце года? То-то же.

– Ну да, действительно. Я сперва сам удивлялся, а потом привык и перестал... Выходит, земля тут не сама по себе такая плодородная? И климат не просто так мягкий? А я-то нарадоваться не могу: зимой нет морозов, летом – никакой тебе жары, красота... Это что же, Его Величеству Гуригу Восьмому спасибо говорить

надо?

– Ну да. И не только за урожаи и мягкий климат. За отсутствие землетрясений, наводнений, ураганов, тайфунов и прочих неприятностей в таком роде. Наши Короли умеют договариваться со стихиями. Как – понятия не имею.

– Даже вы не знаете? – недоверчиво спросил я.

Шеф помотал головой.

– Чтобы знать, нужно быть, как минимум, наследным принцем. Это же не просто тайна, которую нельзя разглашать, но при большом желании можно выведать, а фундаментальное отличие наших монархов от прочих людей. Даже если Его Величество Гуриг вдруг возжелает читать лекции студентам на соответствующую тему, они его не поймут. И мы с тобой не пойдем. Ну а если паче чаяния пойдем, все равно не сумеем воспользоваться новым знанием... Собственно, поэтому никому не приходило в голову упразднить монархию – кроме, разве что, совсем уж отъявленных безумцев, но таких было немного во все времена.

– А как же смена династий? Я же читал: их, вроде, до Гуригов несколько было.

– Ну да. Сперва потомки Халлы Махуна Мохнатого, потом воинственная Хоттийская династия, которой положил начало Шидо Айигокхи, Принц Плоских Гор; высокомерные угуландские колдуны называли его «принцем плоских шуток», но, если верить историческим хроникам, слова поперек ему сказать не смели. Потом, когда вдова последнего из Айигокхи, королева Вельдхут отреклась от престола и удалилась в Куанкулах, в Соединенном Королевстве воцарились вурдалаки Клакки – вот уж при ком тут была тишь да гладь! – и только после них к власти пришли предки Его Величества Гурига. Но заклинать бури, умирять морозы, возвращать реки в берега и обеспечивать подданным по два урожая в год умели абсолютно все Короли, подтверждений тому в исторических хрониках полным-полно. Следовательно... Следовательно – что?

– Я должен сделать умное лицо и сказать: «Следовательно, эта способность не наследственная, а приобретенная», – так, что ли?.. Ну, ясно. Значит должен быть специальный ритуал. Что-то такое во время коронации с ними

проделывают. «Инициация» называется... Однако! Выходит, у нас тут короли-шаманы, все как один. А я живу как дурак, не знаю ничего.

– Ну вот, теперь знаешь, – пожал плечами Джуффин. – Не больше, чем знает об этом любой школьник, зато ненамного меньше, чем я сам. Дело-то действительно темное... Что касается визита Его Величества на остров Муримах, лично я не сомневаюсь: цель ее как-то связана с Королевской магией. Гуриг предпринимает такие путешествия более-менее регулярно, примерно раз в дюжину лет. Его отец, к слову сказать, не пренебрегал поездками на Муримах даже в Смутные Времена; вообще, как я понимаю, это очень древняя традиция. Предупреждая твои расспросы, могу сказать: никаких подробностей я не знаю. Честное слово, Макс. Ни меня, ни моих подчиненных еще ни разу не просили сопровождать Короля в таких поездках. До сих пор это было обязанностью ребят из Ордена Семилистника. Не удивлюсь, если и на сей раз без них не обойдется. И не стану скрывать: я надеюсь узнать эти самые подробности от тебя – раз уж все так удачно сложилось. Мне уже давно любопытно: что там такое на этом Муримахе зарыто?..

Я вздохнул. Интересно, как он себе это представляет? Шпион из меня тот еще. Я живу как во сне и редко замечаю, что творится у меня под носом. Теперь, выходит, придется замечать.

– Еще вот что, – бодро говорил Джуффин. – Будь готов, что перед отъездом с тебя возьмут специальную клятву: молчать обо всем, что увидишь и услышишь во время экспедиции. Гуриг, возможно, и рад бы избавить тебя от этой неприятной процедуры, ограничившись честным словом, но не все в его власти. Большинству древних обычаев он сам вынужден подчиняться, ты же знаешь... Считается, что нарушивший такую клятву загорится как факел и умрет в страшных муках прежде, чем договорит первую же фразу. Имей в виду: вполне возможно, что это правда, проверять пока никто не пробовал, поэтому не вздумай отправлять отчеты о путешествии своим знакомым девушкам и прочим заинтересованным лицам. Безмолвная речь так же опасна для клятвopреступника, как обычная болтовня. О письмах и не говорю: это еще хуже... И, пожалуйста, не делай такое трагическое лицо: как только вернешься, с этим безобразием будет покончено. Моих скромных познаний в магии хватит, чтобы снять с тебя древние чары. Сколько уж раз этим занимался...

Я изумленно покачал головой. Оставалось надеяться, что в финале путешествия мне не отрежут голову – для пущей надежности.

Меж тем шеф явно решил меня добить.

– И последнее. Клятву, как я понимаю, с тебя возьмут только завтра, но молчать начинай прямо сейчас. Никому не говори, что едешь с Королем на Муримах. Ни слова, ни намек, ни записки. Если вдруг станут спрашивать – отпирайся, как сумеешь. Не трудись быть убедительным, ври, что в голову взбредет. А еще лучше, просто не суйся туда, где тебе будут задавать вопросы. В Дом у Моста, например. Как-нибудь переживем нынче вечером твое отсутствие. Да и спать тебе сегодня лучше в одиночестве. Например, у меня. Имей в виду: это не приглашение, а приказ. Я сам заеду к тебе домой, объясню, что это моя придурь, а не твоя. И приятелям твоим скажу, чтобы не трудились слать тебе зов, не отвлекали от размышлений о бренности всего сущего – словом, придумаю что-нибудь. Но уж и ты, будь любезен, сделай вид, что Безмолвной речи не существует. Ясно?

– Наоборот. Вот теперь я уже ничего не понимаю. Что именно является тайной? Отъезд Его Величества? Или мое участие в этой экспедиции? Хотите сказать, никто не пронюхает? Сами сколько раз говорили: в Ехо полно дерьмовых ясновидцев! Святая правда: здесь все всё друг про друга узнают примерно за полчаса до происшествия. А уж про Короля...

– погоди, Макс, не тарихти. Успокойся. Отъезд Короля вовсе не тайна, завтра полгорода сбежится его провожать; о твоём участии в этом деле пока никто не знает, но и это не ахти какой секрет. Просто – ну, скажем, есть такая примета: не болтать о путешествии, пока оно не началось. Так-то суеверных людей немного, о собственных планах болтают с утра до ночи, но уж ради благополучия Его Величества все стараются, как могут. А уж мы с тобой тем более должны: положение обязывает.

– Примета значит, – вздохнул я. – Просто суеверие.

А я из-за этого суеверия перед отъездом домой показаться не могли. Даже зов послать никому нельзя. Ну-ну...

Объяснения шефа показались мне, мягко говоря, неубедительными. С другой стороны, кто их разберет? Что чужаку, вроде меня, бабкины сказки и чушь собачья, то местным жителям – вполне себе магия, да еще небось какой-нибудь внушающей уважение сорок девятой ступени...

– Примета. Просто дурацкая примета, дырку над ней в небе, – с невинной улыбкой подтвердил Джуффин. – А теперь брысь отсюда. Ты же сидя спишь! Спальня для гостей на первом этаже, возле выхода в сад, ты еще не забыл?

Так я оказался под домашним арестом. Полдня проспал как убитый. Я бы и со второй половиной дня поступил столь же сурово, но меня разбудил зов моего коллеги и, с позволения сказать, друга, сэра Мелифаро. Господин Почтеннейший Начальник Тайного Сыска явно переоценил силу собственных приказов. Не сомневаюсь, что запрет, наложенный на переговоры со мной, только раззадорил этого парня. Так-то он вполне мог бы не вспоминать о моем существовании еще полдюжины дней.

«Что ты натворил, горе мое? – спросил Мелифаро. – Откусил по запарке голову великого магистра Нуфлина Мони-Маха? И теперь знаешь все его тайные планы? И тебя не выпустят на улицу, пока ты все не забудешь? И я не увижу тебя как минимум три сотни лет? Какое счастье! Поверить не могу!»

Для того, кто хорошо знаком с сэром Мелифаро, эта тирада должна была означать примерно следующее: «Надеюсь, с тобой все в порядке? Я очень беспокоюсь. Ты уж там держись». Я был знаком с ним более чем хорошо, но дружеское участие – не совсем то, в чем я нуждаюсь спросонок.

«Если я буду с тобой трепаться, голову откусят мне, – ответил я. – Поэтому исчезни. И не больно радуйся: через пару дюжин дней я объявлюсь – вот тебе мое зловещее пророчество».

«Всего через пару дюжин дней? И нет спасения? Какой ужас, – с явным облегчением сказал Мелифаро. – Пойду сообщу эту скорбную весть Шурфу и сэру Кофе. Ненавижу страдать в одиночестве».

Интересно, что им там Джуффин такого про меня наговорил? Заставить сразу трех сотрудников Тайного Сыска всерьез тревожиться о моем благополучии – это надо уметь. Все-таки они меня не первый день знают, могли бы привыкнуть к тому, что я – крупнейший коллекционер приключений на свою задницу, и это, как показывает практика, вполне безобидное хобби, не хуже прочих.

Поняв, что заснуть снова не получится, и приведя себя в чувство при помощи большого кувшина камры, я слонялся по пустому дому Джуффина и нервничал так, словно мне предстояло нечто среднее между выпускным экзаменом по химии и казнью через повешение. Думы о грядущей придворной жизни – пусть даже в облегченном, походном варианте, – приводили меня в отчаяние. Было совершенно очевидно, что я опозорюсь незамедлительно, еще на пороге Замка Рулх, а потом еще раз, и еще; буду покрывать себя позором ежечасно, с перерывом на сон – если, конечно, не выяснится, что спать при Дворе тоже следует каким-то особым образом: скажем, сидя на корточках, закрыв лицо руками, или ритуально ворочаться с боку на бок каждые полчаса, отмеряя таким образом ход времени – кто знает, как у них там заведено?.. В любом случае, я буду жалок, смешон и нелеп; хорошо еще, если Гуриг сочтет это подходящим развлечением. Огорчать Короля мне искренне не хотелось: во-первых, он действительно был мне симпатичен, а во-вторых – кто его знает, вдруг огорчение Его Величества чревато смерчами, тайфунами и многолетней засухой? То-то и оно.

Лишний раз убедившись, что безделье – мать всех тревог, я так и не нашел себе путного занятия. Хватался за книги, но тут же откладывал их в сторону. Перебирал безделушки шефа, раздумывая: а не заставить ли одну из них поведать о событиях давно минувших дней? Полезное упражнение в Истинной Магии и одновременно развлечение, не хуже кино. Но колдовать было лень, да и вряд ли мне сейчас удалось бы должным образом сконцентрироваться на чем бы то ни было. О том, чтобы прогуляться, и речи быть не могло: шеф велел мне таиться от мира, а с ним хрен поспоришь. Даже песик Джуффина по имени Хуф, который, кажется, считал меня не человеком, а очень крупным щенком неизвестной породы и, соответственно, отличным товарищем для разных собачьих игр, на сей раз почему-то предпочел дрыхнуть на моей подушке. А ведь как славно могли бы скакать галопом по саду, вытоптали бы пару-тройку клумб на радость сэру Джуффину Халли...

Но это явно был не мой день.

Словом, когда шеф приехал, чтобы собственноручно доставить меня в Королевскую резиденцию, я только что на шею ему не бросился. Пулей полетел в ванную, умылся, кое-как привел себя в порядок (то есть с неудовольствием ощупал небритый подбородок, собрал в хвост отросшие патлы и поспешно затолкал это позорище под тюрбан), закутался в Мантию Смерти, которую мне в ту пору полагалось носить на службе и вытянулся

в струнку на пороге: дескать, готов ко всему. Однако Джуффин неодобрительно покачал головой.

– Надо бы тебе переодеться, – сказал он. – В этом путешествии у тебя будет официальный статус личного гостя Его Величества, а не государственного служащего. Считается, будто Гуриг вовсе не приказывал тебе участвовать в его сопровождении, а в частном порядке предложил тебе провести отпуск в его обществе. Король объяснил мне, что так всем будет удобнее: гость в отличие от служащего имеет право приближаться к Его Величеству без специального доклада, обедать с ним за одним столом, беседовать на любые темы без предварительного согласования с секретарем – в общем, понятно, да?..

– Ну, пусть считается, что понятно. Только у меня нет никакой другой одежды. Вы же мне домой заехать не дали.

– Тоже мне проблема, – отмахнулся шеф. – Моя гардеробная на втором этаже, рядом с кабинетом. Надевай что хочешь, мы же почти одного роста. И какую-нибудь сменную одежду подбери, пригодится. Сапоги, в которых ты ходил, когда тут поселился, валяются где-то в твоей спальне, поищи. А больше ничего не нужно: все-таки с Королем едешь. Вряд ли Его Величество позволит тебе бедствовать в пути. Не его стиль.

Я кивнул и отправился переодеваться. Возможность порыться в шкафах (практически в исподнем) Джуффина представлялась мне чем-то вроде инициации, новым дивным этапом окончательного и бесповоротного погружения в некую невнятную, но безусловно зловещую неизвестность. На пороге я молитвенно сложил руки, трепеща сунул нос в пропахшую травяными благовониями полутьму. Не обнаружив в гардеробной ни единого чудовища из иного мира, ни даже какой-нибудь заваливающей мумии мятежного Магистра – словом, вообще ничего, кроме одежды и обуви, – я был слегка разочарован, но виду не подал. Сказал себе, что шеф, не будь дурак, просто сделал ужасающее население своих шкафов невидимым – тем и утешился.

Джуффин оглядел меня, удовлетворенно кивнул, и мы наконец поехали в замок Рулх. По дороге я чуть было не загубил свою репутацию самого лихого ездока в Соединенном Королевстве. Все же амобилер, как я в свое время выяснил, едет с той скоростью, о которой в глубине души мечтает возница. Подчиняется скорее потаенному желанию, чем насущной необходимости. До сих пор ребяческая страсть к быстрой езде шла мне на пользу: там, где специально

обученный профессионал тратил на дорогу час, я добирался за десять-пятнадцать минут, повергая в священный трепет своих коллег и случайных свидетелей. Но на сей раз я страстно желал оттянуть финал поездки и, соответственно, начало своей придворной карьеры – желательно на несколько столетий. В крайнем случае, хоть на часок.

Вот этот самый «часок» мы и тащились до Королевской Резиденции. Пешком быстрее дошли бы, честное слово! Джуффин косился на меня с немым изумлением, но у него хватило милосердия не комментировать происходящее. Сидел рядом, попыхивал трубкой, ухмылялся каким-то своим мыслям – словом, в отличие от меня вовсю наслаждался поездкой, прекрасным весенним вечером и грядущим задушевым общением с нашим абсолютным монархом, дырку над ним в небе.

Когда мы въехали на мост, соединяющий Левобережье с островом, где высится Замок Рулх, амобилер, повинуясь моему страстному желанию оттянуть роковой момент, и вовсе пополз со скоростью обожравшейся улитки. Только что назад не пятился – надо понимать, на это мне чуть-чуть не хватало могущества. Поэтому мост мы все-таки преодолели.

Но дальше ехать не пришлось. Сразу за мостом Джуффин велел мне свернуть на обочину, остановиться и выйти; несколько секунд спустя, из влажной чернильно-лиловой тьмы вынырнуло существо, с ног до головы закутанное в лоохи с капюшоном, на манер кеттарийских горцев. Не поздоровавшись с нами, и вообще не издав ни звука, существо уселось за рычаг нашего амобилера, лихо развернуло его на сто восемьдесят градусов и уехало обратно, в город – на вполне приличной, чего уж греха таить, скорости.

– Это было ограбление? – поинтересовался я.

– Это был мой собственный дворецкий. Неужели ты не узнал Кимпу? Я попросил его ждать нас тут и забрать амобилер. Нечего ему у замка стоять: приметный...

– Просто праздник какой-то, – проворчал я. – Всемирный день конспирации. И все это ради Королевского путешествия, о котором завтра же напишут все – то есть целых две! – столичные газеты.

– Так то завтра, – пожал плечами Джуффин. – И вообще, имей в виду: это не моя придурь, я просто выполняю инструкции Его Величества. Мне не трудно, а молодому Королю приятно. И тебе поучительно – вон как таращишься по сторонам, совсем ошалел, бедняга! И это хорошо: как только окончательно утратишь бесценную способность чувствовать себя идиотом, можешь считать, что жизнь практически закончена. Если тебя постигнет такое несчастье, я тут же отпущу тебя на пенсию и заранее присмотрю место на Зеленом Кладбище Петтов – или где тебе больше нравится? Можешь на меня положиться, мальчик!

Я только головой покачал. Эк его все же заносит на поворотах!

Шеф злодейски хохотнул и доверительно шепнул мне на ухо:

– В замок будем пробираться через черный ход. Есть здесь такая специальная калитка для собак, нищих и мальчишек-газетчиков. Именно там нас с тобой и поджидают. Правда романтично?

– С другой стороны, Король вполне мог приказать вам доставить меня через каминную трубу, – вздохнул я. – Так что, будем считать, нам еще повезло.

Джуффин вел меня к замку кружными путями. Мы долго петляли по тропинкам парка, иногда сворачивали и шли напролом через кусты. В результате забрели в какой-то немыслимый огород, где принялись скакать через грядки, как гигантские зайцы-оборотни. За огородом начались душистые заросли цветущих плодовых деревьев; стая мелких птиц, потревоженных нашим нашествием, взмыла к небу и подняла такой невообразимый гвалт, что сторожевые собаки не могли бы с ними тягаться. Но мы неустрашимо топали вперед, чуть ли не по колено проваливаясь в рыхлую, влажную почву. Я, признаться, окончательно перестал понимать, что происходит. До сих пор визит в Королевскую резиденцию представлялся мне куда менее увлекательной авантюрой.

Наконец мы уперлись в высоченную живую изгородь; среди мелких, круглых, словно бы лакированных листьев и жемчужно-белых цветов даже в темноте безлунной ночи можно было разглядеть длинные шипы, больше похожие на стилеты. Шеф огляделся, почесал затылок и не слишком уверенно свернул

налево. Тем не менее, он угадал: через несколько минут в колючей душистой стене обнаружился просвет. Сунувшись туда, мы почти сразу уткнулись в другую ограду, искусно сплетенную из тонких металлических прутьев. Маленькая калитка была гостеприимно распахнута. По ту сторону нас поджидала огромная черная тень. Стоило нам приблизиться, она угрожающе зашевелилась и двинулась в нашу сторону. В первое мгновение я решил, что мы напоролись на какое-нибудь потустороннее чудище, специально вызванное к жизни штатными колдунами для охраны Королевского парка. Пальцы мои непроизвольно сложились в щепоть, изготовившись метать Смертные Шары, а сердце поспешно эмигрировало в пятки, не желая принимать участие в грядущих неприятностях. Но тут обнаружилось, что тень принадлежит человеческому существу – весьма крупногабаритному, зато дружелюбно настроенному. Еще секунду спустя оно заговорило женским голосом, на удивление глубоким и мелодичным.

– Долго же вы добирались, – сказала она. – Я уже час вас поджидаю. Хотела зов послать, спросить, что случилось, но решила, что это будет немного бестактно, поскольку мы не знакомы...

– Ну почему же, – добродушно отозвался Джуффин. – Еще как знакомы. Я имел удовольствие качать вас на коленях, леди – правда всего несколько минут, да и давно дело было. Добрую сотню лет назад. Я был хорошо знаком с вашим отцом, даже лечил его от ран, как раз после того, как мы с ним предотвратили пятое по счету покушение на Его Величество Гурига Седьмого... Впрочем, вы тогда были даже не девчонкой, а маленьким кружевным свертком – зато весьма голосистым! Отец небось рад, что вы пошли по его стопам?

– Ну, моя нынешняя должность – жалкая пародия папиного бывшего величия, – вздохнула женщина-великанша, которую я все это время изумленно разглядывал. Здесь, в Ехо, пышные формы пользуются большим успехом, поэтому толстушки не сидят на диетах, а, напротив, с удовольствием наедают бока. Но такую громадину я видел впервые. Широкоплечая и широкобедрая, с огромной грудью и выдающимся животом; ростом она была, пожалуй, не намного выше меня, но казалась настоящей великаншей. В ней чувствовалась недюжинная сила, при этом голос и манеры были женственными, даже девически кокетливыми. В сочетании с мощным торсом это производило странное впечатление, впрочем, скорее ошеломляющее, чем отталкивающее.

Вы нас проводите? – нетерпеливо спросил Джуффин.

Он, как я понимаю, и сам бы прекрасно прошел, но для этого надо было сдвинуть в сторону огромную приветливую леди, преградившую нам путь.

– Провожу, но только сэра Макса, – ответствовала великанша. – Его Величество передал, что просит у вас прощения, и в будущем непременно постарается загладить свою бестактность. Но сегодняшнюю ночь он готов посвятить только своим спутникам.

– Мне-то что, – пожал плечами Джуффин. – Дело хозяйское. Лишние два часа сна мне никак не повредят.

Однако было заметно, что он – не обижен, конечно, но изрядно озадачен.

– Тогда, с вашего позволения, я прощаюсь, – смущенно сказала женщина. – Идемте со мной, сэр Макс.

– Иди, иди. – Джуффин легонько подтолкнул меня вперед, поскольку я стоял как вкопанный, не понимая, как себя вести. – Приятного путешествия. Надеюсь, тебе понравится. И не беспокойся о своих девушках, кошках и собаках: я за ними пригляжу.

– Спасибо, сэр, – вежливо сказал я. – Кошки – да, кошки и собаки – это важно... Только имейте в виду: вопреки городским легендам, у меня всего одна девушка. Важно, чтобы в мое отсутствие их не стало больше. А то знаю я вас.

Шеф укоризненно покачал головой и с видом оскорбленной невинности скрылся в кустах. Толстуха восхищенно оглядела меня с ног до головы и громко воскликнула:

– Лаюки Кепта!

Я решил, что это какое-то новомодное придворное приветствие, приветливо осклабился и повторил:

– Лаюки Кепта.

– Да нет же! – расхохоталась моя новая знакомая. – «Лаюки Кепта» – это имя. Леди Лаюки Кепта, вижу вас как наяву, сэр Макс. Простите, что не представилась сразу: правила хорошего тона – не самое сильное мое место.

– Вот это да! – Я, не стану скрывать, страшно обрадовался. – Я-то думал, что все придворные только этим с утра до ночи и занимаются: зубрят правила хорошего тона и вовсю предаются практическим упражнениям.

– Примерно так и есть, – согласилась она. – Но я – исключение из этого прискорбного правила. И из многих других правил тоже. Я – доверенный телохранитель Его Величества Гурига Восьмого. И лучший друг его детства. Мой папа, сэр Хирмуши Кепта, был главным телохранителем его отца, покойного Короля, так что нам с Гуригом просто некуда было друг от друга деться. Мы, впрочем, не жаловались: нам было весело вместе, да и сейчас иногда бывает... Пойдемте, сэр Макс. Нас уже давно ждут.

Я кивнул и последовал за Лаюки. У нее оказалась удивительная походка, плавная, грациозная и, если смотреть со стороны, неспешная; на деле же я едва поспевал за могучей телохранительницей Его Величества. При свете парковых фонарей я разглядел не только узоры на необъятном лоохи, но и тонкий профиль, совершенно не вяжущийся с богатырским сложением моей новой знакомой, зато отлично сочетающийся с ее нежным голосом. Я только головой качал: дескать, вот оно как бывает.

В замок мы проникли даже не через черный ход, а через подвал. Сперва спускались вниз по скользким каменным ступеням, потом долго шли по извилистым коридорам, столь узким, что Лаюки пришлось пробраться бочком, после поднимались по трем лестницам: скрипучей деревянной, парадной мраморной и, наконец, по металлической вертикальной лесенке, похожей на пожарную. К моему стыду огромная, неуклюжая с виду Лаюки Кепта стремительно взмыла вверх, пока я разбирался с неудобными поручнями, а в финале еще и помогла мне, несуразному, подала по-мужски крупную руку, унизанную тонкими кольцами из драгоценного белого металла. Одолев лестницу, мы оказались в небольшом круглом зале, почти совершенно пустом; четыре хрустальных аквариума с огромными и донельзя рассерженными светящимися грибами наполняли помещение мягким теплым сиянием. В дальнем углу болтался гамак, откуда нам приветливо махало наше великолепное

Величество. В руке у него была крошечная алая шкатулка, время от времени Король подносил ее к носу. Вид у Гурига Восьмого был довольный и возбужденный, как у мальчишки, впервые в жизни собравшегося на рыбалку с ночевкой. На полу, в опасной близости от гамака и, соответственно, свободно парящих королевских конечностей сидел молодой человек приятной наружности в форменном бело-голубом лоохи Ордена Семилистника, зато босой и с непокрытой головой. Его тюрбан валялся в метре от хозяина, там же покоились сапоги. Он тоже вертел в руках маленькую шкатулку, еще добрая дюжина таких же пестрых дымящихся коробочек была расставлена на расстоянии вытянутой руки незнакомца. Он разглядывал меня, внимательно и немного настороженно; одновременно с явным удовольствием шевелил пальцами босых ног. Я начал понимать, что мои опасения насчет дворцовых церемоний были, мягко говоря, некоторым преувеличением, и перевел дыхание.

– Я – Моти Мил. Старший, можете себе представить, Магистр Ордена Семилистника, – наконец, сказал босоногий господин. – Я с вами почти знаком, сэра Макс: видел однажды мельком в саду с леди Сотофой Ханемер, ну и слышал о вас кое-что, понятно... Впрочем, это вряд ли может считаться настоящим знакомством. Поэтому – вижу вас как наяву!

Он небрежно прикрыл глаза ладонью – жалкая пародия на традиционный ритуал знакомства. Я сделал то же самое и с удовольствием опустился на пол. Пресловутые «дворцовые церемонии» определенно начинали мне нравиться. Где, интересно, были все эти милые люди, когда придворные лоботрясы таскали нас с Джуффином в паланкинах, предварительно окутав золоченой рыбацкой сетью? А?!

Огромная леди Лаюки уселась у входа, навалилась на дверь богатырской спиной. Теперь мы могли быть спокойны: никто не войдет в эту комнату без приглашения. Но пасаран, как говорится.

– Сэр Макс, я очень рад вас видеть. – Его Величество улыбалось до ушей. – А мы тут развлекаемся перед дальней дорогой, дегустируем новые ароматы. Хотите попробовать?

Я на всякий случай кивнул.

– Ну так выбирайте, все шкатулки стоят на полу, а та, что у меня... Нет, эту я пока не отдам. Самому нравится. Может, позже... А пока рекомендую вам взять оранжевую шкатулку. Новая Шиншийская смесь: морская соль, мед уандукских лилий, ночная прохлада и немного птичьего помета, для пронзительности ощущений.

Я послушно взял рекомендованную коробочку, которая оказалась миниатюрной курильницей, и поднес ее к носу. Я ожидал, конечно, что аромат благовоний будет приятным, вряд ли Король своему гостю дрянь присоветует, но все равно чуть не захлебнулся от изумления. Интенсивность ощущений оказалась поразительной, словно бы я не просто понюхал ароматную смесь, а высунул голову в форточку душистой летней ночью. Даже прикосновение прохладного ветра к щеке явственно почувствовал. Еще немного, и я бы, пожалуй, «разглядел»: что там, «за окном», происходит, но у меня хватило благоразумия убрать шкатулку из-под носа.

– Невероятно, – вздохнул я. – Никогда не пробовал ничего подобного.

– Такие ароматы в продаже не появляются, – объяснил Магистр Моти Мил. – У нас в Ордене есть несколько мастеров, которые их составляют, и специально оборудованное помещение, надежно изолированное от мира. Вроде бы невинное удовольствие, но для изготовления таких благовоний требуются семьдесят четвертая ступень Черной и восемнадцатая ступень Белой магии, можете себе представить!

Я присвистнул. До недавних пор гражданам Соединенного Королевства дозволялось применять только первую и вторую ступень все той же Черной магии. Вполне достаточно для первостепенных бытовых нужд – капли от простуды смешивать, или, к примеру, масло на сковороде заговаривать, чтобы не брызгало во все стороны во время жарки. Потом Джуффину удалось выторговать у Великого Магистра Нуфлина Мони Маха значительное послабление для профессиональных поваров. Им разрешили использовать Черную магию аж до двадцатой ступени, и считалось, что это очень, очень круто и демократично. А тут семьдесят четвертая! Заоблачные, непостижимые для меня вершины ворожбы.

– Рад, что вам понравилось мое угощение, – сказал Король. – Потому что теперь я буду перед вами каяться, сэра Макс. Вы даже не представляете, в какую авантюру я вас намерен втянуть!

Король произнес эту фразу, сияя от гордости. Но я все же рискнул возразить.

– Как я понял, нам предстоит просто приятное путешествие на Муримах. Это скорее удовольствие, чем «авантюра». Думаю, на вашем корабле даже качки-то не бывает...

Леди Лаюки звонко рассмеялась, босоногий Магистр Моти Мил тихонько хмыкнул, Его Величество Гуриг улыбался до ушей.

– Никаких кораблей, – наконец сказал он. – На корабле отбывает мой двойник. Бедняге предстоит проводить на палубе по дюжине часов в сутки, в полном парадном облачении. Махать рукой жителям прибрежных поселений, время от времени произносить речи... Тяжкая доля! Я знаю, о чем говорю: обычно именно так и протекают мои путешествия по провинциям Соединенного Королевства. Но только не на Муримах! Хвала Магистрам, теперь за меня будет отдуваться бедняга Нутти Хлак.

– К-к-к-как это? – я так удивился, что стал заикаться. – Так вы не едете на Муримах? А зачем тогда?..

– Погодите, сэр Макс. Давайте вы попробуете еще один аромат: листья дерева шотт, дым угасающего костра, теплое молоко и весенний дождь. Это синяя шкатулка, берите, не стесняйтесь, – предложил Король. – А я пока расскажу вам все по порядку. Как я понимаю, ваш начальник изложил вам официальную версию. Дескать, завтра мы все дружно отбываем на прекрасный остров Муримах, а вы отправляетесь с нами в качестве моего личного гостя и развлекаете меня волшебными историями об иных Мирах, потому что такова моя королевская блажь. Правды о моих поездках на Муримах, кажется, не знает даже всеведущий сэр Халли. Трудно поверить, но вчера вечером я имел честь заглянуть в его хитрющие кеттарийские глаза, и понял – а ведь точно не знает! Грешные Магистры, мне есть, чем гордиться!

Я уважительно кивнул. В самом деле, провести моего шефа – это надо уметь. Не всякий абсолютный монарх с такой задачей справится.

– Я езжу на Муримах примерно раз в дюжину лет, – говорил Гуриг. – Иногда чаще, иногда реже: у этой земли свой ритм, и мне приходится прислушиваться

к нему, а не к календарям. Не знаю, сказал ли вам сэр Халли, что на Муримахе, как и в некоторых других местах, я исполняю некие особые обряды; перепоручить эту работу я не могу никому. Подробностей вам знать не положено – впрочем, не только вам, сэр Макс. Вы же понимаете: некоторые, самые настоящие вещи лучше бы вовсе не описывать словами, даже иносказательно. Вот я и не описываю.

Я молча кивнул. Не то чтобы я в ту пору действительно это понимал, но слышал данное утверждение не раз и принимал на веру – как, впрочем, и многое другое.

– Именно потому, что речь идет о настоящих чудесах, я должен ездить на Муримах инкогнито, – продолжил Король. – Чтобы как можно меньше народу знало, что я нахожусь на острове. Для этого и нужен двойник на корабле: пока мои подданные уверены, что я с помпой приближаюсь к Муримаху, я уже буду там. К моменту торжественного прибытия официальной делегации я должен завершить все дела, занять свое место на походном троне, исполнить какой-нибудь незначительный ритуал, чтобы было ясно, зачем я туда притащился – и все, можно возвращаться.

– А как же вы?.. – начал было я и осекся. Как-как... Ясное дело, Король может мгновенно попасть на Муримах Темным Путем. Если уж я, чужак, освоил это искусство, он-то и подавно умеет. Одно из базовых чудес Истинной магии, ничего из ряда вон выходящего.

– Я прохожу на Муримах Темным Путем. – Гуриг подтвердил мою запоздалую догадку. – Но все не так просто: я должен прибыть на побережье и пешком пересечь остров, это обязательное условие и важная составляющая часть ритуала. Пока я был молод и неопытен, за мной таскалась добрая дюжина телохранителей из Семилестника, но это, как показала практика, совершенно ни к чему. Что касается охраны, мне вполне достаточно услуг Лаюки. Вы не представляете, сэр Макс, какая она у нас грозная воительница!

Великанша смущенно зарделась. Глаза ее сияли, как у школьницы, впервые в жизни услышавшей признание в любви.

– Магистр Моти тоже мой друг детства, – продолжил Король. – Его бабушка учила нас обоих грамоте, стрельбе из рогатки Бабум и азам Очевидной Магии, пока меня прятали от мятежных Магистров на границе с графством Хотта.

Поэтому когда у меня есть возможность самому решать, кто из Старших Магистров Ордена Семилистника будет приставлен к моей персоне, я отрываю от дел именно его. У принцев, сэр Макс, обычно вообще не бывает друзей. Нам такая роскошь не полагается. – Гуриг заметно помрачнел, но поднес к носу алую курильницу и снова заулыбался. – Впрочем, мне, как видите, повезло: я рос в Смутные Времена, поэтому моим воспитанием занимались не слишком старательно. Походная жизнь – именно то, что требуется всякому малолетнему принцу, чтобы не вырасти мрачным, одиноким, никому не нужным хмырем. Когда у меня будут дети, непременно развяжу какую-нибудь безобидную, но продолжительную гражданскую войну: пусть растут счастливыми!.. Рекомендую вам желтую шкатулку, сэр Макс. Свежескошенная трава, раскаленный песок и бодрость морозного утра. В жизни такая смесь ароматов, сами понимаете, невозможна, а эти умельцы их соединили, к тому же – в отличной пропорции.

Рекомендованные благовония были столь хороши, что я на некоторое время утратил нить беседы и очнулся лишь услышав совершенно неожиданное признание Короля.

– Основная причина, по которой я решился пригласить вас в свое сопровождение, сэр Макс, не мое искреннее желание познакомиться с вами поближе, не мое уважение к вашим заслугам, даже не любопытство – хотя все это, конечно, имеет место. Но сейчас важно другое: сэр Халли как-то проговорился мне, что вы родились и выросли в мире, где совсем нет Очевидной Магии и лишь немногие великие посвященные владеют основами Истинной. Поэтому я подумал, что вы можете быть надежным попутчиком в обстоятельствах, когда на магию наложен строжайший запрет.

– Как это – «строжайший запрет»?! – изумился я. – Нет, я помню про Кодекс Хрембера, сам же по долгу службы слежу, чтобы его нарушали как можно реже... Но Истинная магия не запрещена, да и первые ступени Очевидной дозволены. Обычно этого вполне достаточно – не только в походе, а даже для нашей службы.

– Не в Кодексе дело. Отказ от чудес – обязательная часть ритуала, ради которого я отправляюсь на Муримах. Я должен прийти к месту пешком, не сотворив по пути ни единого, даже самого пустякового чуда и ночуя под открытым небом. Считается, что только в этом случае ритуал приобретет настоящую силу. Кстати, на моих спутников эти требования тоже

распространяются. Даже Безмолвная речь под запретом, увы. То есть, если кто-то пришлет вам зов, тут уж ничего не поделаешь. Но отвечать нельзя ни в коем случае, постарайтесь это запомнить. А еще лучше, предупредите всех знакомых, ближних и дальних, чтобы не пытались с вами связаться. В подробности не вдавайтесь, просто объясните, что это чрезвычайно важно. Одна нечаянная ошибка, и все придется начинать сначала. Против традиции я не пойду.

Я невольно вспомнил религиозные обычаи своей бывшей родины и от души порадовался, что нам хотя бы не придется пересекать остров Муримах на окровавленных коленях, дабы доставить удовольствие какому-нибудь милосердному божеству, которое бродит среди облаков – с хлыстом, в черных кожаных шортах и ажурных чулках.

– С этой землей, знаете ли, лучше не ссориться, – говорил Король. – Как повествуют исторические хроники, в старые времена один из спутников Гурига Малыша по рассеянности спрятал в пригоршню свой заплечный мешок, а потом не решился рассказать Королю о своей оплошности. Решил, наверное: пустяки, всего-то вторая ступень Черной магии, небось пронесет. Не пронесло. В тот злополучный год Хурон вышел из берегов и затопил Старый Город, грибы-оборотни взбесились и пожрали молодые посевы, а два селения в Ландаланде ушли под землю за одну ночь, вместе с жителями и огородами. Повторения, честно говоря, не хотелось бы... Теперь, сэра Макс, вы понимаете, зачем я попросил вас присоединиться к моей маленькой экспедиции?

Я покачал головой.

– Теперь-то я как раз ничего не понимаю. Думал, что нужен вам просто так, для компании, на худой конец – в качестве Метателя Смертных Шаров и добытчика экзотического пропитания из Щели между Мирами. Но если дорожная скука вам не грозит, а колдовать на Муримахе нельзя, какой от меня прок?

– Ну как же, – удивился Гуриг. – Вы же с рождения и до недавних пор как-то обходились без магии – и ведь выжили, не пропали. Такой уникальный опыт...

Я не знал, плакать мне, или смеяться. С одной стороны, логика Короля была мне понятна. И, черт побери, он был совершенно прав – теоретически. Но в том-то и дело, что только теоретически: бедняга не знал, на кого напоролся. Прежде

чем чудесным образом попасть в Ехо, я был обычным горожанином, который дня не может прожить без электричества, газа и горячей воды. То есть, мог, конечно, но яростно не хотел. К туристическим походам относился без особого энтузиазма, даже приятельские дачи у моря недолюбливал из-за жутких уличных сортиров, ржавых рукомойников и непокорных керосиновых плиток. Юные скауты с негодованием прогнали бы меня из отряда за неумение ориентироваться в лесу и разводить костер на ветру. Я и камин-то растапливал, мягко говоря, с переменным успехом, изводя кипы старых газет и надменно браня ленивых саламандр.

– Не думаю, что от меня действительно будет какая-то польза, – сказал я наконец Королю. – Остается надеяться, хоть обузой не стану... Ладно, выкрутимся как-нибудь! А скажите-ка мне вот что: если ваши спутники будут колдовать перед тем, как окажутся на Муримахе – это как, ничего?

– О, с этим все в порядке, – заверил меня Король. – Пока мы тут, делайте, что хотите... А что, кстати? Мне любопытно.

– Попробую как-то подготовиться к нашему походу. Раз уж нельзя высекать огонь пальцами, значит, надо обзавестись спичками и газовыми зажигалками – это гораздо удобнее, чем огниво... И может быть нам пригодится походный примус? Да, пожалуй, это идея... Ну и еще всякого разного по мелочам.

– Замечательно, – обрадовался Король. – Так и знал, что вы придумаете что-нибудь интересное!

– Нести все это в пригоршне у нас тоже не получится, – вздохнул я. – Совсем пустяковая, а все-таки магия. Рюкзаки-то у вас есть?

– Рю... Что?

– Я имею в виду удобные заплечные мешки.

– У нас есть дорожные сумки. Лаюки, покажи сэру Максусу... По правде сказать, не такие уж они удобные. На третий день похода боль в плече становится серьезной проблемой.

Великанша ненадолго покинула свой пост и принесла большую бархатную сумку на длинном ремне – чертовски красивую и почти совершенно бесполезную в настоящем походе вещь.

– Не пойдет, – сурово сказал я. – Ясно, значит рюкзаки нам нужны позарез... А спальные мешки имеются?

Леди Лаюки молча вышла и снова вернулась со свертком под мышкой. Я присвистнул: что-что, а спальный мешок Его Величества был настоящим совершенством. Очень тонкий, легкий, как пух, отделанный снаружи непромокаемым ташерским шелком, а внутри – туланской шерстью, теплее которой не только в этом Мире, а и во всей Вселенной ничего пока не придумали.

– Замечательно. Одной заботой меньше. С оружием, одеждой и обувью, как я понимаю, тоже никаких проблем... Мне бы теперь уединиться на полчаса. Попробую обеспечить нас таким снаряжением, чтобы никакая магия не понадобилась. Чтобы даже не вспоминать о ней по дороге.

Лаюки пересекла зал, немного повозилась в дальнем углу и распахнула передо мной дверь, настолько маленькую, что входить в совершенно пустую комнату, освещенную тусклым голубым светом пыльного стеклянного шара, мне пришлось, согнувшись в три погибели. Впрочем, внутри было вполне уютно, из круглого окошка под потолком дул теплый душистый ветер, а вместо скверной дворцовой камры я добыл себе из Щели между Мирами чашку накрепчайшего ристретто и кувшинчик сливок – отличное сочетание, если не смешивать, а пить попеременно, глоток за глотком.

Этим я и занялся – для начала.

Возня со Щелью между Мирами отняла у меня не полчаса, а добрых полтора. Известное дело: когда я начинаю спешить, вместо нужных вещей из этой чертовой Щели появляются только разноцветные зонтики да старые подшивки «Книжного обозрения» – именно то, что мне позарез требуется во всякий миг бытия, ага.

Многokrатно выругавшись и трижды перекурив, я наконец взял себя в руки, сосредоточился, и дело пошло. В первую очередь я достал пару дюжин коробков спичек, добрый десяток зажигалок и – вот уж не ожидал от себя такой предусмотрительности! – газовый баллончик для их заправки. Запасся сигаретами, даже упаковать их в непромокаемый мешок вовремя додумался. С огромным трудом, но разжился таки четырьмя рюкзаками. Два, честно говоря, были так себе – старомодные конструкции родом из моего школьного детства, третий – поновее и поудобнее, но не слишком вместительный, зато четвертый рюкзак оказался настоящим совершенством: огромный, с жесткой спинкой, толстыми поролоновыми лямками, кучей полезных ремешков и удобных карманов. Сколько я ни бился, но добыть еще пару таких же не смог, только пополнил коллекцию зонтиков, масштабы которой и без того приводили меня в ярость. Пришлось махнуть на это дело рукой, перекурить и заняться поиском других необходимых вещей. Сообразить бы еще, что именно нам может понадобиться, но тут приходилось полагаться скорее на интуицию: опыта туристических походов у меня не было вовсе.

В результате я явил восхищенным взорам своих будущих спутников маленький походный примус, легкий и вместительный котелок с крышкой, непромокаемый пластиковый тент, спасательный круг, электрический фонарик с запасом батареек и – изощренное злодейство! – набор быстрорастворимых пакетных супов. Было опасение, что когда мы пустим супчики в ход, меня сочтут отравителем, но житейский опыт настойчиво твердил: такой НЗ никогда не помешает. Все лучше, чем по берегам ручьев на лягушек охотиться, в случае чего. Впрочем, бутылку бренди и пару дюжин плиток шоколада я тоже припас, вовремя вспомнив, что его берут в походы ради драгоценных калорий.

Сложив к ногам Короля эту грудку сокровищ, я торжественно изрек:

– Еще надо взять спальные мешки, топор, несколько мотков веревки... и да поможет нам Бог!

– Кто-кто? – неожиданно заинтересовался Магистр Моти.

– Неважно кто, – вздохнул я. – Лишь бы помог.

Так и не развязав теософскую дискуссию, мы разбрелись по отведенным для нас покоям казенного дома – отсыпаться перед дальней дорогой. Чем успокоить свое

растревоженное сердце, я, честно говоря, понятия не имел, но очередная курильница (аромат хвои, морская соль, влажная шерсть, дыхание младенца) худо-бедно, а все же убаякала меня под утро.

Ходить Темным Путем – чрезвычайно полезное, но редкое умение, одна из базовых дисциплин Истинной магии, которая, честно говоря, мало кому по зубам – даже в Ехо, городе, где каждый грудной младенец – колдун, каких в других мирах днем с огнем среди верховных жрецов не сыщешь. Большинство овладевших этим мистическим спортом – я, увы, в их числе – умеют ходить только чужим Темным Путем, по протоптанным, так сказать, дорожкам. Мастеров, способных прокладывать собственный маршрут, то есть, мгновенно исчезнуть откуда угодно и оказаться в любой точке планеты, чуть ли не по пальцам пересчитать можно. Зато существует тайная карта маршрутов, проложенных в прежние времена. Знать все, разумеется, немислимо, но заинтересованные лица охотно обмениваются друг с другом полезной информацией. Сэр Кофа Йох, наш Мастер Слышащий, который был начальником полиции Правого Берега еще в Эпоху Орденов и изучил Ехо куда лучше, чем я свою гостиную, на протяжении многих лет составлял подробный список таких мест – труд сугубо теоретический, коллекционирование в чистом виде, поскольку сам Кофа Истинной Магией не занимается, Темными Путиами не ходит и, кажется, нисколько об этом не сожалеет.

К счастью, все участники тайной Королевской экспедиции владели искусством Темного Пути в совершенстве. Я был самым неопытным, поскольку прежде проделывал такой фокус всего пару раз, но, как уверял меня Джуффин, этого совершенно достаточно. С Истинной магией всегда так: или уже можешь, или еще нет; то, что получилось однажды, непременно удастся и потом, даже если тайм-аут между двумя попытками затянулся на несколько десятилетий.

Некоторая сложность плана заключалась в том, что мы должны были прибыть на Муримах порознь. Гуригу предстояло ступить на Темный Путь не в специально отведенном для этой цели подвале замка Рулх, а прямо в своей каюте, после того, как корабль отчалит от пристани, и воды Хурона отнесут его на изрядное расстояние от столицы. Прощальную речь перед жителями Ехо он должен был произносить сам: здесь полно прозорливых людей, которые, в случае чего, мгновенно обнаружили бы подмену. Двойник годился только для провинциалов, видевших своего Короля пару раз в жизни, или вообще только на монетах.

Так что несчастному монарху пришлось просыпаться ни свет ни заря; я еще первый сон видел, а его уже погрузили в парадный паланкин и уволокли в порт. Оставалось надеяться, что по дороге Его Величество сможет подремать: путь неблизкий, а бежать носильщикам не положено. Оно, впрочем, и к лучшему – для пассажира.

Мы же встретились часа три спустя после отъезда Короля, в той самой комнате, где совещались минувшей ночью. Заботливая леди Лаюки принесла поднос с завтраком, и мы вкушали от ее даров, сидя на полу, скрестив ноги: в нашем убежище не было никакой мебели, кроме Королевского гамака, но использование этого священного предмета по назначению превратило бы трапезу в цирковой аттракцион, а это – не совсем то, чего жаждет невыспавшийся человек, да еще и перед долгим походом.

Завтрак проходил в молчании. Мои новые знакомые не то чтобы смущались, скорее, приглядывались ко мне: что за хрен с горы такой? Я бы с радостью развлек их какими-нибудь байками, но утро – не мое время, а четыре часа сна – несколько меньше, чем требуется моей голове для обретения хоть какого-то подобия ясности. Бальзам Кахара, глоток которого способен привести меня в норму даже после бессонной ночи, я, разумеется, оставил дома, а попросить порцию у все той же леди Лаюки почему-то постеснялся. Не дали – значит, не положено, – так я рассудил. Со мной бывает.

Поэтому я с нетерпением ждал окончания трапезы. Сам я почти ничего не сделал для приближения этого прекрасного момента: у меня не только хорошего настроения, но и аппетита по утрам не бывает. Подавившись первым же глотком скверной дворцовой камры, выудил из Щели между Мирами пару чашек эспresso. Новые знакомые взирали на мою волшбу без особого любопытства, вопросов не задавали, и вообще вели себя так, будто ничего из ряда вон выходящего не происходит. Надо полагать, не такого еще навидались.

Наконец Магистр Моти искоса поглядел на часы и буркнул: «Ну что, можно бы потихоньку...» Леди Лаюки энергично закивала и принялась носиться по комнате (слово «потихоньку», мягко говоря, не слишком подходило для описания ее поведения), а потом и вовсе пулей вылетела вон. Вскоре вернулась, волоча за собой все четыре рюкзака. Они были набиты так плотно, что я содрогнулся: все же, как минимум один предстояло нести мне.

Предчувствия меня не обманули. С лучезарной улыбкой: «Это – ваш, сэр Макс!» – великанша водрузила рюкзак мне на спину, сочувственно, но удовлетворенно оглядела результат и ободряюще похлопала меня по плечу: в точности заботливая мамаша, надевшая ранец на сына-первоклассника.

Магистр Моти наконец поднялся, без особого энтузиазма, зато и без видимых усилий подхватил второй рюкзак, бросил через плечо:

– Ну, счастливой нам всем дороги.

Стремительно пересек комнату, оказался в противоположном ее углу и благополучно исчез. Леди Лаюки ласково подтолкнула меня вперед. Я вздохнул, воздел глаза к небу и сделал несколько неуверенных шагов, пытаюсь нашарить след Магистра Моти. Это для меня самый что ни на есть проверенный способ: проходить Темным Путем по чужому следу. То есть, теоретически я знаю, что можно делать иначе, но мало ли что я там знаю теоретически... По крайней мере, встать на след и ждать, пока он сам каким-то неведомым образом протащит меня через неопишное отсутствие пространства – это я точно умею. Собрать волю в кулак, закрыть глаза, сосредоточиться на собственных ступнях – так, словно ничего кроме них у меня нет. Ни о чем не думать, не сомневаться, не бояться. Просто ждать.

Минуту спустя я почувствовал, что в лицо мне дует свежий морской ветер. Открыл глаза, огляделся. Я стоял на влажном песке, у самой кромки воды. Мой левый сапог лениво вылизывала волна, на носок правого деловито карабкался крошечный оранжевый краб. Немного поодаль на большом круглом камне восседал наш абсолютный монарх, мокрый, довольный, задрапированный в ярко-зеленое полотенце. Очевидно, пока нас не было, Гуриг успел искупаться. Магистр Моти стоял рядом с Королем, с отчаянием глядел на меня и гневно жестикулировал. Мне понадобилась целая секунда, чтобы сообразить, чем он так недоволен. Наконец до меня дошло. Кровь прилила к щекам, о ребра стукнулась свинцовая кувалда. Я мысленно обозвал себя скотским болваном и поспешно отпрыгнул в сторону: самый простой и проверенный способ сойти с чужого следа.

– Простите меня, – покаянно сказал я Моти, обрушивая свой рюкзак на песок. – Я чудовищный кретин. Мало того, что встал на ваш след, не спросив

разрешения, так еще и топтался там, как последняя свинья... Вы как себя чувствуете?

– Гораздо лучше, чем минуту назад, спасибо, – сухо ответил Магистр Моти. Потом неожиданно заулыбался и покачал головой: – Однако слухи о ваших способностях в этой области были не преувеличены, а преуменьшены, как я теперь понимаю. Вы – настоящее чудовище. С ума сойти!

Тут дело вот в чем. Когда на след человека становится обычный Мастер Преследования, у бедняги обычно изрядно портится настроение. Депрессия, тревога, головная боль – все эти неприятности гарантированы жертве; впрочем, все как рукой снимает, как только охотник сойдет со следа. Ужас в том, что я в этом смысле гораздо опасней: стоит мне стать на чей-нибудь след, беднягу скручивает так, что врагу не пожелаешь. Несколько минут это еще как-то можно терпеть, потом человек хрупкий и умереть может на месте, а те, что покрепче просто теряют сознание. Поэтому я становлюсь на чужой след крайне редко – только если совсем уж опасного и могущественного маньяка требуется изловить. Так что Магистру Моти пришлось несладко, впору бы голову мне открутить за такие штучки. Но он держался молодцом – не сердился, за сердце не хватался, даже не глядел с укоризной, а только головой качал: дескать, вон как оно бывает.

Пока я покаянно созерцал ракушки у себя под ногами, к нам присоединилась леди Лаюки. Эта феерическая дама волокла два рюкзака: свой и Королевский, на поясе колыхалась здоровенная рогатка Бабум, из-под лоохи выглядывал меч, а тонкая кожа сапожек оттопыривалась, наглядно демонстрируя, что в каждом голенище спрятано как минимум по тесаку. Увидев Гурига, Лаюки восхищенно хлопнула себя по бедрам:

– Так вы уже тут, вот красота! А мы-то думали, вас еще полдня ждать придется!

– Да, сегодня все как-то на удивление быстро закончилось, сам не ожидал, – согласился Король. – Я еще и искупаться успел. Удачный день... Но каков пройдоха Чемпаркароке!

– Опять? – изумленно спросила леди Лаюки.

– А то! – и Король ткнул пяткой маленькую плетеную корзинку, стоявшую у его ног. – Это уже стало традицией.

– А что натворил Чемпаркароке? – заинтересовался я.

Я немного знал этого рыжего хитреца, уроженца Муримаха, хозяина трактира «Старая Колючка», где подают лучший в столице Суп Отдохновения, легкое психотропное воздействие которого скрашивает жизнь наших горожан, и без того, на мой вкус, не слишком беспросветную. Я-то сам это зелье жрать не могу: на мой чужеземный организм оно действует, как тяжелейший наркотик скверного качества. Попробовав его впервые, я пластом провалялся трое суток, да в таких муках, что даже целительское искусство сэра Джуффина Халли почти не изменило мою печальную участь. Хотя, кто знает, возможно, без его помощи я бы вообще копыта отбросил – так плохи были мои дела. С тех пор я к Супу Отдохновения не прикасаюсь, что, впрочем, нисколько не умаляет моих симпатий к Чемпаркароке: хороший он мужик, хоть и эксцентричен непомерно, даже на мой вкус. Но что за дела у него могут быть с Королем, хотел бы я знать?!

– О, это уже стало традицией, – смеясь, ответил мне Гуриг. – Всякий раз, когда я отправляюсь на Муримах, этот пройдоха каким-то образом пробирается на корабль, падает к моим ногам и покорнейше просит передать ма?а?ахонькую посылочку его матушке – если уж мне все равно по пути. Насколько мне известно, запретной магией Чемпаркароке не злоупотребляет, в интригах не замешан и вообще – тишайший из моих подданных. Как он обходит охрану – ума не приложу! Все же считается, что меня стерегут лучшие из лучших... При этом глядит и говорит он столь проникновенно, что я не могу ему отказать. Более того, я зачем-то волоку эту грешную корзинку за собой вместо того, чтобы оставить ее в каюте. Потом сую в руки шерифу Муримаха, или еще кому-нибудь из доверенных чиновников, чтобы передали старушке. Впрочем, в прошлую поездку посылка пригодилась: я отлично переночевал у этой достойной леди, представившись приятелем ее сына, еще и пирожков на дорогу получил. Она, между прочим, хвастала, что иногда столичные гостинцы ей привозит сам Король, а я говорил, что быть такого не может. Отлично провел время!..

Я глядел на Короля и глазам своим не верил. Я, в общем, всегда считал его чрезвычайно демократичным монархом и «своим парнем» – насколько это возможно для человека его профессии. Но царственный взор, величественная осанка и особое, выработанное годами жизни «на особом положении» умение

сохранять дистанцию между собой и любимым собеседником всегда были при нем, даже вчера, когда Его Величество раскачивалось в гамаке и с энтузиазмом тараторило о грядущих приключениях. Сейчас же от всего этого не осталось и следа: Король не просто играл в «обычного человека», а стал таковым. Пропать, пролежавшая меж ним и прочими людьми, исчезла без следа, как будто была всего лишь порождением моих романтических представлений о повадках царственных особ.

Гуриг перехватил мой взгляд.

– Вы сами все поняли? – обрадовался он. – Да, пока мы здесь, я не Король. Да и вы не «грозный сэра Макс» из Тайного Сыска. И Моти – вовсе не могущественный колдун из Семилистника. Так, трое умеренно молодых людей, не слишком привычных к длительным пешим переходам – по крайней мере, я уже успел отвыкнуть от такого образа жизни. Все же с последней вылазки почти дюжина лет прошла... И только Лаюки – всегда одна и та же Лаюки. Всякий раз, когда приходит время снимать маски, выясняется, что у нее никакой маски отродясь не было. В этом смысле она – куда более честный человек, чем мы трое... Я понятно изъясняюсь?

– Вполне, – кивнул я. – Насколько это вообще возможно, когда говоришь на такую тему. Единственное что: у меня с масками и дома-то не очень. Разве только Мантия Смерти – прохожих пугать. Но знали бы вы, как я старался отмазаться от почетной обязанности ее носить!

– Тем лучше, – кивнул Гуриг. – Значит, вам будет проще привыкнуть к новым обстоятельствам.

– Я вот думаю: может, искупаться? – нерешительно спросил я. – Или нет времени?

– Время-то есть, только вряд ли вам понравится. Вода ледяная. Я уж насколько привычен к холоду, а почти сразу на берег выскочил.

– Ну, хоть попробую.

Зря, кстати, я его не послушался. В итоге просто зашел в море по щиколотку и наскоро умылся – на большее у меня не хватило мужества.

Пока я честно старался намокнуть, Гуриг благополучно обсох, натянул широкие штаны, вязаный свитер без рукавов и короткое походное лоохи. Я привык видеть его в шляпе, которая заменяет нашим монархам корону, но теперь Король обмотал голову тонкой пестрой шалью, соорудив из нее скромное подобие тюрбана. Этот самодельный головной убор шел ему чрезвычайно; честно говоря, я здорово опасался, что сам в таком виде буду выглядеть полным болваном. Не все же такие красавчики, как Его Величество Гуриг Восьмой!

– Вы тоже переодевайтесь, – посоветовал он. – Здесь, на Муримахе, своя мода, куда лучше приспособленная к пешим походам, чем наши столичные наряды. Лаюки, ты ведь всем положила сменную одежду? Не забыла?

Великанша только плечами пожала. Дескать, обижаете, как же это – я, да вдруг забыла?!

Я помог Магистру Моти разобраться с мудреными застежками его рюкзака, потом принялся рыться в своем. Одежда пришлась мне впору, как будто сам выбирал, придирчиво перемеряв множество комплектов – приятный сюрприз!

Вскоре от нашего столичного облика и следа не осталось. Теперь мы были похожи на маленькую банду разбойников; великолепная леди Лаюки, ясное дело, выглядела атаманшей: в отличие от нас, она была вооружена до зубов.

Однако никто не торопился пускаться в путь. Магистр Моти восседал на песке и неспешно набивал две трубки – себе и Гуригу, который, в свою очередь, прогуливался вдоль кромки воды и, страшно сказать, наполнял карманы разноцветными ракушками. Леди Лаюки достала из самого большого рюкзака мой походный примус, попросила меня разжечь огонь, набрала в котелок морской воды, благо она здесь пресная, почти дистиллированная, и принялась заваривать травяной чай. Я только теперь сообразил, что камры мне не видать до конца похода: все же, для ее приготовления требуется немножко поколдовать, иначе выйдет горькая дрянь, которую в рот взять невозможно. И в Щель между Мирами за чашкой эспрессо не полезешь: нельзя. Пришлось удовольствоваться заранее припасенной сигаретой; впрочем, это было чертовски кстати.

Мои спутники тоже задымили трубками. И тут я кое-что вспомнил – чуть сердце из груди не выскочило. В тот миг мне казалось, что случилось нечто непоправимое.

– Клятва! – Взревел я. – Вы же забыли взять с меня клятву! И как теперь?!

– Что с вами, сэра Макс? – участливо спросил Король.

Наши спутники глядели на меня с недоумением и сочувствием, как на помешанного.

– Ну как же, – я совсем растерялся. – Джуффин говорил, что перед поездкой с меня возьмут клятву молчать обо всем, что я могу тут, рядом с вами, увидеть, или услышать. Дескать, такая страшная клятва, что слова вымолвить не успею – факелом запылаю и погибну в страшных мучениях... Врал он, что ли? Вообще-то шеф не дурак детей пугать, это да... Или клятву потом, в конце путешествия, положено приносить?

Недоумение моих новых приятелей сменилось неподдельным изумлением, только Гуриг понял о чем речь и смущенно рассмеялся, прикрывая лицо рукой.

– Какая ерунда, сэра Макс, – наконец сказал он. – Зачем нужны эти клятвы? Я все же немного разбираюсь в людях. Совершенно очевидно, что вас достаточно просто попросить, и вы будете молчать без всяких клятв. Разве только по рассеянности что-нибудь сболтнете, такое с вами вполне может случиться. Но я и тут вполне спокоен: вы быстро поймете, что вышли на запретную тему и остановитесь по доброй воле, так ничего толком и не растрепав... Вот и выходит, что связывать вас клятвой слишком опасно, лучше уж оставить все как есть.

– А, – протянул я. – Вот оно что...

Признаться, я изрядно опешил. Вот уж не ожидал, что все может быть так просто и – ну, что ли, по-человечески. Думал, вокруг Королевских тайн такие страсти – лучше бы вовсе носа туда не совать. А тут вдруг такое безграничное доверие – с чего бы?

– Я-то с самого начала не собирался связывать вас никакими клятвами, – беззаботно говорил Гуриг. – Но подумал, что вам будет довольно трудно объясняться с сэром Джуффином Халли. Все же он ваш начальник и, если я правильно понимаю, близкий друг. Конечно, он станет выпрашивать у вас подробности, о его любопытстве легенды ходят... И если вы откажетесь отвечать, он вполне может обидеться. Во всяком случае, вам обоим будет непросто. Вот я и решил: скажу ему заранее, что собираюсь связать вас самой страшной из известных мне клятв. Тогда он лично проследит, чтобы вы ни слова на эту тему не произнесли. А нам с вами того и надо.

– Спасибо, – прочувствованно сказал я. – Это действительно прекрасная идея, и вообще вы все правильно про нас с Джуффином понимаете... Есть только одна проблема: шеф объяснил мне, что снять древние чары – не проблема. Как только вернусь домой, он попытается меня расколдовать, представляете?

– Если так, дело плохо, – вздохнул Король. – Тогда вам придется сказать ему правду: что никаких клятв не было, вы просто обещали молчать. Сэр Халли крепко обидится на нас обоих, но тут уже ничего не попишешь: я сделал все, что мог.

– Да нет, вряд ли он обидится, – я махнул рукой. – Скорее просто удивится. Но шеф это дело любит – в смысле, удивляться. Так что все в порядке.

Вода в котелке тем временем закипела, из необъятного чрева рюкзака была извлечена целая грудa конфет, печений и засахаренных фруктов. Я только подумал, что это отличная идея: напиться чаю на дорожку, но тут Король схватил котелок и вылил свежеприготовленный чай себе под ноги. Потом он принялся разбрасывать сласти. Печенья улетали в прибрежные заросли, конфеты тонули в песке, цукаты покрыли побережье причудливым пестрым узором. Я глядел на это зрелище, разинув рот. Не то чтобы я – такой уж хозяйственный и бережливый, но поведение Короля показалось мне, мягко говоря, странным.

– Мы должны угостить землю, – вполголоса объяснил мне Магистр Моти. – Отдать ей лакомства, которые припасли для себя. Древний ритуал, просто дань вежливости, ничего из ряда вон выходящего. Считается, что теперь остров Муримах будет считать нас скорее друзьями, чем непрошеными гостями.

А как оно будет на деле – поглядим.

Я кивнул. О подобных языческих ритуалах я когда-то в книжках читал, и вдруг – на тебе, такая полевая практика, мечта антрополога! Хорошо бы не выяснилось, что по пути надо принести еще пару-тройку жертв – кровавых, человеческих. Дабы поход прошел совсем уж как по маслу. Потому, собственно, Король и путешествует в хорошей компании: чтобы всегда кто-нибудь был под рукой. Очень практично!

– А теперь, – улыбнулся Гуриг, – можно и нам чаю попить. А то пока до леса дойдем...

Лаюки снова поставила котелок на огонь, достала из рюкзака жалкие остатки лакомств. В итоге, нам досталось всего по две конфеты на рыло: остров Муримах оказался чертовски прожорливым сотрапезником.

Почти безвкусный, зато горячий напиток мы пили прямо из котелка, передавая его по кругу. Чаепитие проходило почти в полном молчании. Самое удивительное, что я сам рта не раскрыл. А ведь прежде, можно сказать, мастером боевых коммуникаций был, отверзал болтливую свою пасть не дожидаясь специального приглашения, и закрывал ее только по многочисленным просьбам страдающей публики. Но тут почему-то притих и молчал, как пришибленный. Плакала моя репутация компанейского парня.

– Не жалеете еще, что связались с нами, сэр Макс? – лукаво спросил Гуриг, пряча опустошенный котелок в рюкзак. – С нами скучновато, да?

Я пожал плечами.

– Теоретически, я и есть ответственный за развлечения в этом походе, да? Ничего, по дороге буду сочинять сказки, чтобы рассказывать вам на ночь. Надо же хоть какую-то пользу приносить...

– Будем надеяться, что ваши сказки будут нашим единственным развлечением, – серьезно сказал Гуриг. – Я предпочитаю скучные путешествия – чтобы никаких приключений. Так спокойнее. По счастью, Муримах – не какая-нибудь Красная Пустыня, где за каждым барханом по зачарованному городу.

– Ну, положим, у этого острова полным-полно своих причуд, – словно бы нехотя заметил Магистр Моти.

– Будем надеяться, сэр Макс узнает об этих причудах только с наших слов, – вздохнул Король.

Но жизнь в очередной раз решила доказать мне, что надежда – глупое чувство. Даже когда она Королевская Надежда.

Проваландавшись, сколько было возможно, и еще чуть-чуть, мы наконец навьючили на себя рюкзаки (спутники мои не могли нарадоваться: дескать, так легко и удобно в походе им еще никогда не было), снялись с места и пошли вдоль берега, по узкой полосе влажного песка. Обувь почти сразу промокла, но это было наименьшее из зол: идти по сухому песку, с каждым шагом увязая чуть ли не по уши, та еще каторга.

Огромная леди Лаюки, добровольно взвалившая на себя самую тяжкую ношу, замыкала шествие. Я смутно предполагал, что уж она-то небось проваливается в сырой песок по колено, содрогался от неподдельного сочувствия и нездорового любопытства, которое подстрекает людей пялиться на чужие увечья и прочие неприятности. Наконец как бы случайно, украдкой оглянулся: как там она? И ошалел: мои собственные следы на мокром песке были куда глубже. Можно было подумать, что Лаюки Кепта вообще ничего не весит, и только рюкзак тянет ее к земле, а не будь его, ветер унес бы грозную нашу защитницу. Тут уж я отбросил в сторону всякую деликатность и спросил:

– Неужели не колдуете? Или вам все-таки можно?

Или как?..

Она сразу поняла причину моего изумления и засветилась от удовольствия.

– Никакой магии, сэр Макс. Просто дисциплина тела. Крупным воинам с ранних лет приходится учиться легкому шагу. Мне эта наука давалась труднее прочих. Было время, тренировки отнимали у меня по шесть часов в день, я то и дело сбегала домой, к маме и сестричкам, но отец всегда возвращал меня обратно,

как бы я ни выла. И, как видите, из этой муки вышел толк.

- То есть, просить вас: «научите», - бесполезно?

- Разве что вы захотите остаться рядом со мной на всю жизнь, - пожала плечами Лаюки. - Через пару дюжин лет вы, думаю, стали бы делать первые успехи. Но вряд ли это именно то, что вам действительно позарез требуется, - без тени улыбки добавила она, словно бы желая предостеречь меня от необдуманного шага.

Я только головой качал и шел вперед, как умел, увязая в сыром песке, усугубляя неумолимый закон земного тяготения собственной неуклюжестью. Когда часа три спустя мне показалось, что наш поход постепенно превращается в изощренную пытку, мы наконец свернули на узкую тропинку, устланную сухими водорослями, и стали понемногу удаляться от моря в сторону темной полосы на горизонте. До леса, по моим прикидкам, надо было топтать еще часа два, но почва под ногами быстро стала твердой, а этого было достаточно, чтобы превратить ходьбу в удовольствие. Даже рюкзак больше не казался мне серьезной обузой, я наконец-то перевел дыхание и стал понемногу осматриваться. Песчаные дюны остались позади, теперь мы шли по равнине, поросшей оранжевым мхом и высокой сизо-зеленой травой. Обещанных Джуффином радуг в окрестностях не наблюдалось, зато повсюду мелькали алые цветы, немного похожие на гигантские мохнатые маки, крошечные желтые колокольчики, лиловые зонтики незнакомых душистых соцветий, мясистые изумрудно-зеленые звезды на огненных стеблях и розовые облака растительного пуха, здорово смахивающие на ярмарочную сладкую вату; камешки под ногами сверкали так, словно мы ступали по россыпям драгоценностей - впрочем, кто знает, вполне возможно, так оно и было. Низкое бледно-бирюзовое небо оставалось безоблачным, но солнце не жгло, а грело; слабый ветерок с моря примешивал запахи соли и йода к сладким медовым ароматам трав. Выходило, пожалуй, даже похлеще, чем давешние благовония из Королевских запасов, которые, как ни крути, всего лишь стремились как можно больше походить на реальность, а она - да вот же, рядом, вокруг, везде, лишь бы хватило сил наслаждаться. У меня, надо сказать, не очень-то получалось. Меня не оставляло ощущение, что я слишком мал, чтобы вместить в себя эту красоту: того гляди, лопну, взорвусь, рассыплюсь на миллиард восхищенных кусочков, благодарной пылью осяду на благоуханную листву и только тогда, возможно, обрету покой, которым дышит безмятежная эта равнина.

Спутники мои, кажется, тоже наслаждались прогулкой, но в экзальтацию подобно мне не впадали: все же они не впервые оказались на Муримахе. Магистр Моти на ходу набивал трубку, Гуриг тихонько насвистывал под нос какую-то простую, но совершенно незнакомую мне мелодию, Лаюки по-прежнему замыкала шествие, двигаясь столь бесшумно, что я не раз оборачивался, проверяя: не отстала ли?

Ага, как же. Отстанет такая.

Незадолго до заката, когда тени наши вытянулись и заплясали на длинных, тонких ногах, а птицы стали с криком носиться над самой землей, мы наконец вошли в лес и почти сразу остановились на поляне. Удачный выбор стоянки: трава здесь была короткой, но густой, как хороший кеттарийский ковер, а древесные кроны сомкнулись так плотно, что вполне могли бы укрыть нас от дождя, который, впрочем, вряд ли намеревался испортить нам первую же ночевку на свежем воздухе. Но я удивился: сумерки еще не начали сгущаться, можно было бы идти, да идти. Гуриг заметил мое недоумение, покачал головой и мягко пояснил:

– Я все равно пока не знаю, куда именно нам нужно. Всякий раз приходится заново определять направление. Может быть ночью пойму...

От такой постановки вопроса я, мягко говоря, ошалел, но виду не подал. Хорошенькое дело, я-то, наивный, думал, хотя бы Гуриг знает, куда мы идем. Зачем – ладно, допустим, не моего ума дело. Но «всякий раз заново определять направление» – такая концепция не желала укладываться в бедной моей голове.

Перекурив, я понял, что спутники не нуждаются в моей помощи. Король и Магистр занимались своими трубками, а леди Лаюки сама преотлично справилась с примусом и, кажется, намеревалась приготовить очередную порцию невнятного чая. Ничего себе диета!

– Пойду поброжу немножко? – нерешительно спросил я. И, почему-то смутившись, добавил: – Не был в лесу с тех пор, как мы на Магахонских лис охотились, но погоня – это не совсем прогулка...

Король и Магистр лениво покивали, а сами тем временем растянулись на траве. Видимо, дорога утомила их куда больше, чем меня.

- Только далеко не уходите, - строго сказала Лаюки.

Думаю, уж она-то сразу разглядела во мне безнадежного горожанина, который, выпусти его на волю, тут же свернет с тропинки, заблудится в ближайших трех соснах, залезет в болото, нажрется там каких-нибудь волчьих ягод и пропадет пропадом в полусотне метров от человеческого жилья. Но я имел нахальство полагать, будто все - ну да, плохо, но не настолько же!

- Далеко не уйду, - пообещал я. - Как только начнете что-нибудь жевать, тут же примчусь на запах. Как зверушка лесная.

Они только головами покачали, а я воспользовался моментом и сбежал, оставив в заложниках свой рюкзак. Во-первых, я действительно давно мечтал погулять по лесу, да все выбраться не мог, а во-вторых, очень хотелось немного побыть одному. Мне это жизненно необходимо: хотя бы пару часов в день проводить в полном одиночестве. Когда на меня никто не смотрит, можно опустить вечно вздернутый подбородок, расслабить плечи и мышцы лица, погрузиться в молчание, перестать наконец бесконечно придумывать удачные ответы на вопросы, которые, скорее всего, так никогда и не будут мне заданы, но теоретически - вполне могут прозвучать, пока рядом есть люди, все равно, кто.

Поэтому первые несколько минут я просто брел вперед, почти напролом, блаженно улыбался, шурился, обращая лицо к лоскутам неба, запутавшимся в ветвях. Заблудиться не боялся: что-что, а чувство направления у меня о?го?го, спасибо матушке-природе за безвозмездные дары ее!

И кстати о дарах природы. Покинув своих спутников, я почти сразу понял, что нагулял нечеловеческий аппетит. Но возвращаться вот так сразу было и обидно, и вполне бессмысленно: они, кажется, не очень спешили с ужином, а торопить события я по-детски стеснялся. Я вообще довольно застенчив, хотя прикладываю максимум усилий, чтобы это не слишком бросалось в глаза случайным свидетелям моего жизненного пути. Иногда мне даже удается прикинуться обаятельным нахалом - знал бы кто, каких невероятных душевных усилий стоят мне развязные манеры и небрежный тон всеобщего приятеля,

этакого компанейского рубахи-парня, дружелюбного, но несколько утомительного.

Поэтому я не просто гулял, а внимательно озирался по сторонам. Первобытный инстинкт собирателя подсказывал мне, что в этом лесу непременно должны расти какие-нибудь съедобные и вкусные штуковины. Ягоды, грибы, трава какая-нибудь – не знаю, что именно, но – обязательно. Задачу мою усложняло абсолютное незнание местной ботаники, так что оставалось полагаться все на тот же инстинкт, который, надо отдать ему должное, ни разу не подвел меня в детстве, когда я подъедал всю съедобную растительность в окрестностях бабушкиной дачи – без каких-либо неприятных последствий.

Так и вышло: я почти нечаянно свернул с жалкого подобия тропы и медведем вломился в раскидистый кустарник, ветви которого были усыпаны ярко-желтыми ягодами. Если бы не цвет, я бы поклялся, что это очень крупная ежевика, или малина; впрочем, колючек на ветвях тоже не наблюдалось – на мое счастье. Основательно поразмыслив (секунды две, не меньше), я сорвал ягоду и отправил в рот. По вкусу эта желтая «ежевика» напоминала спелую хурму – неожиданно, но очень и очень неплохо! Слопав пару дюжин ягод, я преисполнился любви к ближним и решил, что просто обязан угостить этих самых ближних своей добычей. Внимательно осмотрелся, углядел некое подобие лопуха, сорвал несколько очень крупных, мясистых листьев, свернул из них вполне надежный кулек и принялся набивать его ягодами. Понятно, что по принципу: «две в рот, одну за щеку, и – так и быть! – четвертую в лукошко», но все-таки. Полчаса спустя куст был обципан, мой импровизированный пакет полон доверху, а я сам – не то чтобы по-настоящему сыт, но совершенно удовлетворен близким знакомством с тутошной природой.

Обратную дорогу я нашел без труда; в лагерь вернулся настоящим триумфатором. Вот он я: не потерялся, не заплутал, да еще и добычу принес. Ай молодец!

Добыча моя действительно произвела фурор, но не совсем тот, на какой я рассчитывал. Король схватился за голову, Лаюки нехорошо ухмыльнулась, отняла у меня ягоды и зашвырнула их в кусты.

– Сэр Макс, вы это ели? – строго спросил Магистр Моти.

– А как вы думаете?.. А что, отравы?

Нельзя сказать, что я испугался. Я обмер, похолодел, поставил на себе крест, нарисовал в воображении невысокий могильный холмик на опушке леса и мрачно подумал, что это вполне в моем духе: выйти невредимым из доброй сотни передраг, схваток с могущественными колдунами, ожившими мертвецами и чудищами из иных миров, чтобы мирно окочуриться на острове Муримах, обожравшись несъедобных ягод. Такой финал мне к лицу, ничего не попишешь...

А испугаться я так толком и не успел. К моему величайшему облегчению, Магистр Моти криво улыбнулся и покачал головой.

– Не то чтобы отравы. Но веселенькая ночка нам сегодня гарантирована. Вы много съели? Примерно столько, сколько принесли?

– Примерно так, – согласился я. – То есть, кажется, даже больше. Может быть, промывание желудка, или?..

– Бесплезно. Ничего не попишешь, придется потерпеть. Ну и, честно говоря, даже интересно, в кого вы превратитесь? Можно делать ставки...

– Как? – опешил я. – Превращусь?! Навсегда?

– До утра, – утешил меня он. – Впрочем, вы очень много ягод съели, так что могут быть рецидивы, но не думаю... Ладно, там поглядим. Нам бы эту ночь продержаться! Вы уж простите, сэр Макс, но придется вас связать. Потому что, знаете ли, всякое бывает.

Гуриг отнял руки от лица, и я увидел, что он смеется.

– Лисица, – сказал он. – Ставлю дюжину корон, он превратится в лисицу!

– Скорее в дикую собаку, – возразил ему Магистр Моти. – Считайте, что ставка принята. Лаюки, ты что думаешь?

– Я думаю, куда положила веревку, – сурово сказал леди Лаюки. – Уже темнеет, между прочим. Хотите потом до утра за ним по лесу гоняться?

Я пискнуть не успел, а эта троица повалила меня на землю, связала по рукам и ногам толстой веревкой, хором извиняясь за доставленные неудобства.

– Понимаете, сэр Макс, все это, собственно, делается ради вас, – объяснял Король. – Поев вурдалачьих ягод, человек может превратиться во что угодно, сообразно своей природе... Но обычно случается, что это самое «что угодно» понимает, что его дом в лесу и удирает в чащу. А поутру, став человеком, мало кто может отыскать обратный путь. Поэтому лучше уж вы тут полежите, ладно?

«Вурдалачьи ягоды», значит. Вот как это называется.

– Надо было вас предупредить, – вздыхала леди Лаюки. – Но кто же знал, что они растут в этих местах? Прежде в этой части Муримаха никогда не было вурдалачьих ягод.

– Значит нашлась добрая душа, посадила кустик, – хмыкнул Магистр Моти. И успокоил меня: – Вы не горюйте, сэр Макс. Вам от этого никакого вреда, только небольшие неудобства.

– Пожрать хотя бы дайте, – мрачно сказал я. – Баловство, а не еда эти ваши ягоды...

Тут одно хорошо: когда лежишь на лесной поляне, связанный по рукам и ногам, довольно трудно оставаться застенчивым.

Лаюки принесла кусок ветчины и скормила его мне, как птенцу, отрезая маленькие кусочки. Тьма меж тем сгущалась. Никаких изменений я в себе не ощущал. Мелькнула чудовищная мысль: ребята просто разыграли меня. Не принес бы я ягод, придумали бы что-нибудь еще: к примеру, сказали бы, что всякий человек, впервые попадая на Муримах, на одну ночь становится оборотнем. И я, вполне возможно, принял бы этот бред на веру, и точно так же лежал бы сейчас на траве, связанный по рукам и ногам. «Ладно-ладно, – думал я, – веселитесь, господа. Месть моя будет ужасна. Всех троих разыграю, и Его Величество не пощажу, вот только придумаю что-нибудь действительно остроумное, а не фигню эту вашу дешевую с превращениями невесты во что...»

Утомленный помыслами о мести, я сам не заметил, как задремал. Когда я открыл глаза, солнце уже поднялось над горизонтом. Никаких веревок на мне не было. На этом хорошие новости заканчивались и начинались удивительные факты.

Список удивительных фактов возглавляло то обстоятельство, что я вовсе не лежал на траве, а сидел на дереве, причем умудрился забраться на самую верхушку. Ветка подо мной была не то чтобы совсем уж тонкая, но я, честно говоря, предпочел бы более надежную опору.

– Сэр Макс, вы в порядке? – вежливо спросил кто-то снизу.

Я посмотрел на вопрошающего и судорожно вцепился руками в ветку – ломая ногти, сдирая кожу с костяшек пальцев. Земля была так безнадежно далеко, что мне, пожалуй, следовало начинать вить гнездо: спуститься все равно не получится, а жить как-то надо. Магистр Моти, нерешительно топтавшийся внизу, казался отсюда совсем махоньким человечком.

– Мы вас очень плохо связали, – покаялся он. – Но, по крайней мере, не потеряли.

– То есть, я сам сюда забрался? – изумился я. И признался: – Ни фига не помню!.. Грешные Магистры, надо же как-то слезать... Ужас какой!

– Не умеете? – сочувственно спросил Магистр Моти. – Но придется как-то. Сейчас подумаю, чем вам помочь.

Пока он думал, я в отчаянии озирался по сторонам в поисках хоть сколько-нибудь надежной опоры. Наконец нашел ветку, которая показалась мне более-менее крепкой. С величайшими предосторожностями переполз на нее, искренне сожалея об отсутствии хвоста. В гробу я видал такую эволюцию!

Но трюк мой удался. Теперь я был на целых полметра ближе к земле. Ошеломительное достижение. По такому поводу я машинально полез в карман лоохи за сигаретами и только тогда обнаружил, что лоохи на мне нет. И вообще никакой одежды. Я сидел на дереве в чем мать родила, хоть практический семинар мастеров эротической фотографии собирай – не пропадать же такой красоте несказанной.

Отдышавшись, я переполз на следующую ветку. Магистр Моти был в восторге от моих успехов.

– Вы имейте в виду, вообще это не в моих привычках – во сне голышом на деревья лазать, – на всякий случай объяснил я. – Не думал, что окажусь настолько обременительным попутчиком. Кошмар какой-то, честно говоря...

– Все в порядке, сэра Макс, – отмахнулся тот. – Как я понимаю, для огромного пятнистого кота, в которого вы превратились, лазать по деревьям – абсолютно нормальное поведение. Следует отметить, вы вели себя чрезвычайно сдержанно и благородно: ни на кого не напали, не зарычали даже. Просто стащили кусок мяса и...

Я застонал. Значит, я – «огромный пятнистый кот», да еще и стащивший Королевский провиант. И как, скажите на милость, теперь жить – после такого-то откровения?!

– Конечно, вы ничего не помните, – сочувственно вздохнул Магистр Моти. – Оборотни никогда не помнят, это нормально... Я вам потом расскажу, а пока поверьте на слово: все обошлось. Если вы теперь еще и с дерева слезете, совсем будет красота... Бойтесь высоты?

– Есть такое дело, – неохотно признался я, высматривая следующую ветку. Хотелось выть от ужаса, но это удовольствие я отложил на потом. Не до того пока.

– Я тоже, – неожиданно признался он. – То есть, раньше очень боялся, сейчас-то ничего. Самый кошмар был, когда я только-только стал Орденским послушником, и меня послали чистить черепицу на крыше Иафаха, под присмотром одой из кумушек леди Сотофы, как мне тогда казалось, очень вредной тетки. Да еще запретили слезать, пока работа не будет закончена. То есть, я даже ночевал там, на крыше. В первую ночь глаз не сомкнул, а потом усталость взяла свое. Спал, как миленький, примотавшись канатами ко всем выступам, которые казались мне надежными.

– Ну вы герой!

Я прикинул высоту главной резиденции Ордена Семилистника и так проникся, что о собственной проблеме временно забыл. Как раз вовремя: теперь мне предстояло перебраться на ветку, которая росла примерно в двух метрах от моей нынешней позиции. Все прочие ветки в обозримом пространстве были слишком тонкими и хрупкими. Тихонько подвывая, я повис на руках и кое-как сполз вниз, обдирая брюхо о жесткую кору ствола. Обнаружив, что все еще жив и никуда не падаю, я в очередной раз вспомнил об оставленных где-то внизу сигаретах – по крайней мере, одна веская причина добраться до земли у меня была.

Четверть часа спустя я добрался до нижней ветки. Расстояние между моими ступнями и землей было метра два, говорить не о чем. Поэтому я разжал пальцы и полетел навстречу теплому лоохи, который незамедлительно набросил мне на плечи единственный свидетель моего позорного триумфа.

– Слез-таки, – вздохнул я, нашаривая в кармане свои сигареты. Хвала Магистрам (и Магистру Моти персонально), они были на месте!

– Вы молодец, – серьезно сказал Моти. – Для человека, который боится высоты, вы действовали безупречно.

– А что было делать? – вздохнул я.

– Именно так я ответил своей матушке, когда она изумлялась: каким образом мальчишка, которого на чердак собственного дома загнать было невозможно, несколько суток провел на крыше Иафаха. Узнал, что человек может бояться чего угодно, но действовать так, будто не ведает страха. С тех пор жить стало труднее и одновременно – гораздо проще... Пойдемте, сэр Макс. Нас ждут.

– Думаю, после такого приключения можно бы и на «ты» перейти, – проворчал я. – Если уж вы видели, как я голый по деревьям лазаю...

– И то верно, – хмыкнул Магистр Моти.

У него, надо сказать, была удивительная улыбка, обаятельная и обезоруживающая.

– Слушай, – озабоченно спросил я, – выходит, нам теперь придется возвращаться домой и начинать все с начала?

– Зачем? – изумился Моти.

– Ну как... Король же объяснил мне: колдовать нельзя. А я сдуру превратился в какую-то кошку...

– Но ты же не сам превратился, – он пожал плечами. – Не по своей воле. Да и захотел бы – не сумел, этому древнему искусству сейчас и научиться-то негде и не у кого... Тут ведь такое дело: мы сами не должны колдовать по дороге, но никто не запрещал чудесам случаться с нами, если им заблагорассудится. Насколько я понимаю, это как раз очень важно: чтобы Король и его спутники отдали себя на волю случая, позволили событиям происходить без их – нашего, то есть – активного вмешательства. Так мы демонстрируем свое доверие этой земле и судьбе в целом. Доверять судьбе – высокое искусство; чем больше власти и ответственности у человека, тем меньше у него шансов этим искусством овладеть: все сам, все под контролем – тебе ведь тоже знакомо это чувство, сэр Макс?.. А тут такой шанс научиться!

Я молчал, обдумывая его слова. Да, пожалуй, доверять судьбе я не умел никогда; в последние годы я выучился многим удивительным вещам, но жалкие остатки доверчивости растерял окончательно. Твердо усвоил, что ответственность за все происходящее лежит на мне и ни на ком больше. А это, оказывается, чушь собачья...

Что ж, поглядим.

Нас встретили как героев. Заключение в дружеские объятия, вручили по кружке горячего питья, распечатали сверток с сырным пирогом. Леди Лаюки глядела на меня с неподдельным уважением – с чего бы? А Гуриг почему-то лучился радостью. Я-то думал, они меня, дурака, распекать будут за такое веселенькое начало похода, или хотя бы глядеть станут с укоризной.

– Расскажите хоть, что ночью-то было? – попросил я, принимаясь за чай с пирогом. – Я, кажется, благополучно пропустил все самое интересное.

– Вы превратились в огромного пятнистого кота! – сообщила Лаюки. – То есть, если этот зверь и был похож хоть на что-то знакомое, то именно на кота, только шерсть у вас была гладкая и в темных разводах.

Ну да, Магистр Моти тоже огромного пятнистого кота поминал. Судя по всему, я побывал в шкуре не то ягуара, не то леопарда. Вот уж не ожидал от себя. Никогда не знаешь заранее, во что превратишься, так-то... И как же, черт побери, жалко, что я ничего не помню! Это я-то, который после любой попойки мог подробно рассказать приятелям, кто что вытворял, не упуская ни единой подробности. А тут – на тебе, ни единого, даже смутного воспоминания...

– Все наши веревки оказались вам до одного места, – продолжала рассказывать Лаюки. – Вы их в несколько секунд разорвали, и одежду заодно. Я, честно говоря, здорово испугалась, потому что непонятно ведь, как быть, если вы захотите напасть. Убивать вас, вроде, нехорошо, а как еще с диким зверем справиться?.. Но вы вели себя очень дружелюбно. Мурлыкать не мурлыкали, конечно, зато и не рычали. Подошли ко мне, потерлись головой о ноги, вышло очень трогательно... Пока я умилялась, вы схватили в зубы остатки ветчины, которой я вас кормила как раз перед тем, как вы начали превращаться, и удрали в лес, а мы потихоньку пошли следом. На самом деле очень удачно все вышло, лучше не придумаешь!

– В каком смысле? – осторожно спросил я. – Что, та поляна не подходила для ночевки? Или мясо девать было некуда?

– Да нет же! – Лаюки махнула рукой и звонко расхохоталась. – Поляна была отличная, и ветчине, уж поверьте мне на слово, всегда найдется применение...

– Просто ваш побег указал мне направление, – объяснил Гуриг. – Помните, я сказал, что пока не знаю, куда нужно идти? Тут такое дело: с этими моими муримахскими ритуалами вечно ничего заранее не знаешь. Приходится руководствоваться знаками судьбы, а она – непростой собеседник. Первой ночевки на острове я всегда жду с некоторым содроганием: что на этот раз случится? Потому что один раз начался лесной пожар, и нам пришлось спасаться бегством. Единственный путь отступления был к морю, и как только мы добрались до побережья, хлынул дождь, и огонь погас за несколько минут. Так я понял, что на сей раз следует идти вдоль берега. Трудный был поход, самый нескладный на моей памяти... Но бывает и хуже: вообще ничего не происходит –

по крайней мере, ничего из ряда вон выходящего. Сижу всю ночь, как дурак, жду указаний, а на рассвете бреду, не разбирая дороги, за какой-нибудь желтой бабочкой, которая изволила задеть крылом мой нос, в надежде, что это и есть знак судьбы, и я все делаю правильно. И, понятно, сомневаюсь: а вдруг надо было не за бабочкой идти, а, скажем, сворачивать направо, потому что с той стороны доносился птичий крик... Представляете, каково?

Я энергично закивал, преисполнившись сочувствия. С судьбой договариваться – то еще удовольствие, знаем, плавали. Она вечно изъясняется, как старый нью-йоркский китаец, потерявший зубной протез: язык, вроде бы, знакомый, а поди хоть пару слов разбери. Немыслимый труд.

– А тут все сразу само собой выяснилось, – подытожил Король. – Происшествие вполне безобидное, даже, на мой вкус, милое, зато направление мне теперь совершенно очевидно, и, кажется, я даже догадываюсь, куда мы в итоге должны попасть... Уж это был знак, так знак! Я еще и выспаться успел по-человечески после того, как вы изволили залезть на дерево. Для первой ночевки это из ряда вон выходящее событие.

– Ясно, – говорю растерянно. – Так что, выходит, даже хорошо, что я этих вурдалачьих ягод нажрался?

– Конечно! – подтвердил Гуриг. – Я вам очень обязан.

Я только головой покачал. Такие, значит, дела. Так, оказывается, прокладывается наш маршрут. Что ж, если так, Король абсолютно прав, что позвал меня с собой. Высшие силы любят избирать посредниками для общения с людьми юродивых, ну и просто идиотов, вроде меня, тоже с удовольствием используют.

Ничего себе перспектива.

После завтрака мы двинулись в путь. Ничего из ряда вон выходящего не случилось: шли себе и шли, в середине дня переправились через бурный ручей – без приключений, даже я не облажался, как ни удивительно. Вечером разбили лагерь на очередной уютной поляне, долго и обстоятельно готовили ужин, лениво трепались за едой. После заката мне остро захотелось сырого

мяса, а также рычать, потягиваться, чесать ногой за ухом и, страшно сказать, хорошенько вылизать собственную задницу, но мне, к счастью, удавалось держать себя в руках, игнорировать остаточные симптомы давешнего отравления вурдалачьими ягодами. Король и его друзья преисполнились уважения к моей внутренней борьбе и чуть ли не до рассвета развлекали меня сагами о своем босоногом детстве. Под конец я настолько овладел собой, что вспомнил пару хороших, нелепых историй из жизни Тайного Сыска и с удовольствием их рассказал – мои спутники были в восторге.

Близкое знакомство со спальным мешком стало упоительным финалом трудного, но беззаботного дня: забравшись в эту бархатистую благодать, я уснул незамедлительно и дрых как младенец, пока меня не разбудили горячие лучи полуденного солнца.

Еще два дня прошли спокойно и безмятежно. Мы шли себе и шли по тенистому лесу, наслаждаясь хорошей погодой и свежееобретенной крепостью собственных ног. По вечерам разбивали лагерь, готовили ужин, болтали и расползались по спальным мешкам, вполне довольные собой, друг другом и жизнью в целом.

Я, меж тем, диву давался: вроде бы, мне рассказывали, что Муримах не просто обитаемый, а густонаселенный остров – и куда же все подевались, хотел бы я знать?! Не то что города, или селения, мы даже избышки лесника ни разу не увидели. И вообще никаких следов человеческого присутствия, даже птицы здесь были такие непуганые, что из-под ног взлетать не спешили.

Я как раз успел свыкнуться с мыслью, что кроме нас четверых нет больше живых существ во Вселенной, когда за пару часов до заката и, соответственно, четвертого привала лесная тропинка, по которой мы шли, незаметно превратилась в дорожку, вымощенную мелкими желтыми кирпичиками – совершенно ясно, что без человеческого вмешательства тут не обошлось.

– О, да это же Желтая Дорожка! Кажется, я знаю, куда мы пришли, – обрадовался Гуриг. – Сам я тут никогда не был, но отец рассказывал, что однажды ночевал у какой-то забавной муримахской ведьмы. Никакой Очевидной магии, настоящая лесная колдунья: варит зелья из трав, разговаривает с дикими зверями и выращивает цветы на камнях одним прикосновением руки. Если эта дорожка по-прежнему ведет к ее дому, можно попробовать попроситься на ночлег. – Король мечтательно вздохнул. – Может, у нее найдется какое-то подобие ванной комнаты? Ну или хоть бочка с горячей

водой...

До сих пор Гуриг стоически переносил тяготы походной жизни; прежде мне и в голову не пришло бы, что абсолютный монарх богатейшей страны этого Мира способен так легко обходиться без привычных удобств. Однако он преспокойно умывался в ручьях, закусывал сухари лесными ягодами, спал, не переодеваясь, по утрам вскакивал первым и кипятил воду, чтобы приготовить нам травяной чай по старинному семейному рецепту – словом, служил мне живым примером и немым укором. Если бы не он, я бы еще в первый день взвыл: «Где мои четыре бассейна с ароматной водой, мягкая кровать, камра и амобилер?!»

Это я к тому, что упоминание о горячей воде возбудило меня чрезвычайно. Я ни о чем больше думать не мог.

«Забавная муримахская ведьма» оказалась миниатюрной красоткой, больше похожей на сельскую старшеклассницу, чем на лесную колдунью. Темно-каштановые волосы, зеленые глаза, густые брови, тонкий овал лица, не улыбочивый, но по-детски нежный рот. Невозможно было поверить, что она водила знакомство с покойным Королем; я все ждал, что сейчас выяснится – она просто к бабушке на каникулы приехала. Однако нет, девица вела себя как хозяйка дома и, надо понимать, действительно ею была.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/maks-fray/chub-zemli-sbornik-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)